

Юрий Васильев.

Ветер в твои паруса

OCR: Ю. Бариев

... Колокол висел на деревянной треноге и казался таким же древним, как все вокруг, как замшелые сопки, от которых начиналась тундра.

Он висел здесь еще с той поры, когда лишь да кайры провожали суматошным гомоном редкие суда, случайно заходившие в бухту; давно не чищенная медь покрылась коростой времени и уже не горела в лучах низкого солнца - он просто висел тут, на самом краю земли, как память о доброй воле добрых людей: это они карабкались на скалы с тяжелым грузом, чтобы в глухой предрассветный час его голос отводил корабли от беды...

Один только раз мы звонили в колокол. Это было в тот день, когда погиб Веня.

1

Вылет отложили в третий раз.

- Пропади ты пропадом! - сказал Павел и налил себе вина.

- Это называется - экономь время и деньги. Ничего я не хочу экономить, хочу ездить в нормальном поезде, чтобы меня проводник чаем поил. Баста! Аэрофлот на меня может больше не рассчитывать.

- Зарекалась коза в огород ходить, - мрачно ответил Олег.

Они сидели в ресторане аэровокзала. Два старых друга, которым через час-другой надо будет расстаться. Расстаться надолго, потому что один из них скоро сядет в вездеход и уедет в далекий тундровый поселок, а другой поднимется на борт самолета и улетит на материк. Улетит совсем, потому что так вот получилось в жизни.

- Жениться едет, дурачок, - негромко казал Олег и поднял рюмку.

- И не понимает, что третий раз вылет задержали. Это символично, Не отпускает тебя Чукотка. Давай мы сейчас продадим билет, сядем в вездеход, а Таньке... Таньке что-нибудь напишем. Что-нибудь такое для нее придумаем.

- Не дури, Олег, без тебя тошно.

- Ты прав. Я помолчу...

В углу негромко пел музыкальный ящик, пел на любой вкус; за пять копеек можно выбрать себе на прощание песню по душе и настроению, песню о любви и дорогах, о расставаниях и встречах. К ящику подходили люди, кидали монету и слушали, подперев рукой голову, как шумит ветер в зеленых соснах Карелии, и почему-то показалось Павлу, совсем не похожи этот аэровокзал и этот ресторан на такие же вокзалы и рестораны в других уголках России, где люди сидят и ждут самолета или встречают друзей и родных; не похожи потому, что вот эта дверь на летное поле нигде не связана так прочно с началом и концом какого-то куска жизни.

Он улетает сегодня. Не он первый, не он последней. На столике в бокале стоит завядшая ветка, сирени. Наверное, ее оставил здесь прилетевший с материка отпускник. Растрогался от встречи с родной землей и поставил ветку в бокале. Он тоже часто прилетал сюда из отпуска, из командировок, его встречали друзья; они пили шампанское в буфете, хлопали друг друга, по плечам, радовались, что вот наконец вместе. Это было. А теперь его встретят в Москве.

Не надо было Олегу приезжать в порт. Обоим им невесело. Сидят и смотрят

на часы и думают, что куда как лучше было бы вместе улететь или вместе остаться. Только тут уж ничего не поделаешь. У каждого через час или через два начнутся свои дела. Эти минуты прощания станут их последним общим прошлым.

Олег пытается острить и балагурить, но мысли его не здесь, он уже месит тундру в тряской своей машине; и Павел тоже в пути, в Москве, на тихих улочках Арбата, в большой и гулкой квартире, по которой ходит, поскрипывая половицами, отец, пьет запрещенный врачами кофе, курит запрещенные врачами сигареты. Играет в углу музыкальный ящик. За столиком рядом с Олегом и Павлом сидят двое, пьют пиво, лениво грызут раздобытую где-то воблу. Плотный рыжий мужчина в летной форме отхлебывает из кружки, курит, смотрит на своего собеседника и говорит неторопливо, раздумчиво, словно бы вслушиваясь в то, что рассказывает.

- ...Приходит он ко мне и выкладывает: так и так, Владимир Сергеевич, мы с вашей дочкой давно друг друга любим, теперь вот решили пожениться. Как вы на это смотрите?

Ну, я что? Женитесь, говорю, вам жить. Только ты и вправду Наташку сильно любишь? Кивает головой: люблю, дескать. Тут я возьми да и скажи: а вот представь, молодой человек, что придет ей в голову такая блажь, ну не блажь, а очень сильное желание, ото всей души - слетать среди года в Москву на "Лебединое озеро". На один день слетать - и обратно. Денег это будет стоить, сам понимаешь... Как ты вот на это смотришь?

Засмеялся мой парень и говорит: не бойтесь, Владимир Сергеевич, она же не дура, сами небось воспитывали. Денег на ветер кидать не станет. Да и я цену заработанному знаю. Так что будьте покойны, намек ваш понял, глупостей мы себе не позволим. Солидно жить собираемся.

- Дельный парень, - сказал собеседник. - Сметливый. Вышла за него Наташка?

- Выходит... А теперь послушай вот что. Сразу после войны служил я за Уралом, в Восточной Сибири. Места, сам понимаешь, глухие, до ближайшего города вроде бы недалеко, а поди доберись. И вот услышал я там такую историю. Командир соседней с нами летной части привез из Москвы жену, посадил ее в четырех стенах, сам то летает, то командует, а ей хоть волком вой: ни друзей, ни развлечений, одно удовольствие - кино в клубе. Прими во внимание, к тому же москвичка она коренная, успела к другой жизни привыкнуть... А женщина, говорят, была красоты редкой, любил он ее без памяти, а только что поделаешь - служба.

Приходит он как-то домой, как раз накануне ее дня рождения было, видит - жена в слезах. Тихо так сидит на диване и плачет. "Что с тобой?" - спрашивает. - "Да так..." - "А все-таки?" Она еще больше в слезы: "Сейчас вот по радио передавали, завтра в Большом театре "Борис Годунов", новая постановка. Всю жизнь мечтала послушать".

И, что, ты думаешь, он делает? Ты бы, например, что сделал? Или я? Ну погладил бы по головке, успокоил бы - ничего, мол, родная, вся жизнь впереди... А он по-своему решил. Взял самолет, посадил в него жену, и через пять часов они уже ели мороженое в фойе Большого театра, слушали оперу, а потом, уже к полуночи, поехали в ресторан, и устроил он ей день рождения. По всей форме устроил, как полагается, - с оркестром и шампанским, корзину цветов раздобыл. Только самому пить не пришлось, потому что утром, как ты понимаешь, ему предстояли серьезные испытания

Павел поднял голову, прислушался. Ба! Да ведь это же о полковнике Строеве, отце Вениамина! Старая легенда, которую и он, и Олег, и все их общие друзья слышали уже не раз, и сам Венька рассказывал ее. Говорил, улыбаясь, что это, конечно, легенда, но что-то подобное было... И все равно приятно, что память об отце живет вот в такой романтической истории.

- Ну, а потом пришлось расплачиваться, - продолжал старый пилот. - Разжаловали его. Суд был, как положено... И все-таки до сих пор многие

вспоминают о нем, потому что, прав ли он, виновен ли, а поступил красиво...

- Красиво, - сказал собеседник. - Красиво, черт возьми... Только больно дорога цена за один вечер.

- А он не за вечер платил. Пойми ты. А что до цены, то какая тут может быть цена, если мы о любви говорим... Наташке я, конечно, не рассказывал об этом, зачем ей? Пусть себе солидную жизнь строят...

- А что с ним сейчас? Летает? Или совсем его из авиации турнули?

- Не знаю. Давно это было, сам понимаешь.

"И я тоже не знаю, что было потом с отцом Вени, - подумал Павел. - Знаю только, что Строев, Герой Советского Союза, герой Халхин-Гола и озера Хасан, летчик, бомбивший Берлин, умер два года назад. Но если легенда о нем существует, ее надо продолжить. Немногие люди стоят этого".

Павел посмотрел на Олега; тот понимающе кивнул.

- Простите, что я вмешиваюсь в вашу беседу, - сказал Павел, - но мы с товарищем невольно слышали... И я хотел бы кое-что добавить с вашего разрешения.

- Ого! - сказал пилот. - Смотри-ка ты, у этой истории широкий резонанс... Мы вас слушаем.

- Фамилия этого летчика была Строев. То, о чем вы сейчас рассказали, я тоже слышал. Но я знаю и другое. Он был испытателем. Научил летать многие боевые машины. Несколько раз погибал и всякий раз оставался в живых, потому что мужеством он обладал и еще талантом истинного летчика. Кроме того...

- Я слышал о Строеве, - перебил его летчик. - Об испытателе Строеве я много хорошего слышал. Только вот не думал, что это с он такое выкинул.

- Подождите, - указал Павел. - Это не все... - Он на секунду запнулся, соображая, стоит ли продолжать, но тут же решил, что стоит.

- Вы, должно быть, помните, как несколько лет назад среди торосов и трещин Берингова моря сел тяжелый самолет? Сел, чтобы подобрать пассажиров с потерпевшего аварию ИЛ-14... Ну да, тот самый случай. Вертолета или "Аннушки", или вообще чего-нибудь менее громоздкого поблизости не было, а счет шел на минуты. Когда машина, подобрав людей, была уже в воздухе, лед, на который они садились, треснул... Так вот, это летчик Строев. И возможно, ему за это тоже было внушение... А что касается Большого театра - не знаю. В конце концов, на Внуковском аэродроме куда легче, на льдине.

- Уж это точно, - сказал пилот. - Только откуда вам все это известно?

- Сын Строева был нашим другом. прошлом году он тоже пытался посадить машину в очень трудных условиях. В почти надежных условиях. Но не смог. И вот... теперь его нет.

- "Аннушка"? - спросил пилот.

- "Аннушка".

- На Зеленой косе?

- Там...

- Тесен мир. Я и не знал, что это молодой Строев. Погиб он геройски. М-да... А я вот свое отлетал. Цветы теперь разводить буду. Или еще что-нибудь. Дочку замуж отдаю... Он допил пиво, поднялся. Его собеседник тоже встал.

- Ну, счастливой дороги, - сказал пилот. - Приятно было поговорить. - И посмотрел на Павла. Потом на Олега. - Приятно было поговорить, - повторил он. - Только на лед в Беринговом море сел не летчик Строев. Там сел мой старый товарищ. Но пусть будет так, как вы говорите. В конце концов, право на легенду надо заработать. Это трудное право.

Они направились к выходу. У самой двери пилот остановился, пошарил в карманах, потом подошел к музыкальному ящику и сунул в прорезь монету. Ящик заиграл полонез Огинского. Пилот постоял минуту, поднял в знак прощания руку и вышел.

Венька тоже любил этот полонез. И злился, когда его называли сентиментальным. "Просто мы очень любим рядиться в тогу эдакого

рационализма, - говорил он, - и если, не дай бог, человеку взгрустнется от музыки или от картин Левитана, то он сам страшно пугается, потому в наш век, видите ли, некоторые считают признаком недостаточно сильного характера.

- Слышишь? - сказал Олег. - Это как память о Веньке. Он хотел, чтобы в его честь в тундре сложили песню... Может быть, мы и услышим ее.

- Да, - сказал Павел. - Только я не услышу.

- Ты не услышишь, - согласился Олег. - В Ленинграде у тебя будут другие заботы, куда масштабней здешних. И другие имена будут. Другие люди вокруг. Ты уже не услышишь.

Ну вот, - подумал Павел. - Это должно было случиться. Как ни крепился Олег, как ни старался казаться бесстрастным и все понимающим, он все-таки не выдержал. Дал понять, что я не просто уезжаю. Что я уезжаю из их мира. Из их жизни. Из нашей общей жизни, и все, что теперь будет совершаться здесь, меня уже не коснется.

Нет, он никогда не назовет меня дезертиром. Он просто скажет, что "ветер по-разному дует в наш парус", как говорил когда-то Венька, скажет, что раньше я любил крутую волну и соленые брызги в лицо, любил идти против ветра, а теперь устал, присмирел и пустил лодку по ветру.

Он скажет так или почти так.

Хорошо, пусть говорит. Но сначала скажу я.

Я устал. Я просто по-человечески устал. Дороги, которые я прошел вместе с вами, с тобой и с Венькой, с капитаном Варгом, - дороги эти всегда во мне, но теперь мне уже просто трудно шагать по ним...

Ты помнишь, Олег, как несколько лет назад прилетел к нам в тундру московский фотокорреспондент? Как алчно светились его глаза при виде яранг и оленей? Ему нужен был шаман, хоть самый завалыщий; ему нужны были птичьи базары и непролазные топи, в которых тонули бульдозеры, ему нужен был шторм и северное сияние. Он был очень жаден до всего этого.

И он сказал тебе: "Пожалуйста, будьте добры, покажите здесь что-нибудь самое замечательное". Помнишь? И помнишь, что ты ему ответил? Ты сказал: "Я два месяца не был в бане, у меня вся шея в чирьях, я пропах потом и дымом, и вам скажу, что самое замечательное в мире - это ванна, это белый телефон на ночном столике, вечерняя Москва и запах духов любимой женщины. И чтобы не было кочек, а был асфальт..."

Вот так ты ему сказал. Только грубее.

Теперь скажу я. Меня ждет женщина, которую я... На которой я собираюсь жениться. Меня ждет отец, с которым я не виделся очень долго. И меня ждет работа, интересная и нужная работа. Ты слышишь, Олег?..

Павел произнес про себя весь этот длинный и напыщенный монолог и вдруг спохватился, что не Олегу, а себе он говорит все это. Себя убеждает и оправдывает.

Олегу ничего такого говорить не надо, потому что Олег это Олег...

И все-таки, должно быть, по инерции, он откашлялся и сказал:

- Вот что, Олег. Давай, чтобы не было недоговоренности. Чтобы все стало на место.

- Не стоит! - Олег положил ему руку на плечо. - Не стоит, старина. Я все понимаю. И знаю все, что ты скажешь.. Восемь лет прожито рядом. - Он с трудом улыбнулся. - Я только хочу сказать, что плохо тебе будет. Очень плохо тебе будет без нас...

... - Плохо тебе здесь' будет, - сказал Венька. - Ох, плохо! Ты где практику проходил? В Казахстане? Это где жарко, да? Здесь холодно. Здесь консервы кушают и пьют чистый спирт. Ты пил когда-нибудь чистый спирт?

- Нет, - сказал Павел. - Я никогда не пил чистый спирт. И ты не пил, старый северный волк. Зато в чемодане у меня три банки клубничного варенья, и я не боюсь признаться, что люблю варенье и не люблю водку.

Он открыл чемодан.

- И еще я могу признаться, что прочитал всего Джека Лондона, и поэтому

теоретически умею разводить костер на снегу. А практически мы будем учиться делать это вместе.

- Bravo, - сказал Олег. - Перестрелка закончена, и счет пока ничейный. Теперь надо чем-то открыть варенье.

...Это было восемь лет назад. Они сидели в комнате общежития, куда их временно поселили, пили чай, нещадно дымили и присматривались друг к другу.

Вот уже целые сутки жили они на берегу океана. Под окнами грызлись обшарпанные собаки, те самые знаменитые псы, на которых человечество испокон веков покоряет Север, только на этот раз приехал на собаках не отважный полярник, а счетовод из соседнего колхоза, и вместо кольца к поясу у него приторочена кожаная сумка с накладными на цемент и гвозди.

Полярный круг проходил где-то рядом. В окна был виден белоснежный наст, тянувшийся к самому полюсу, и в ранних зимних сумерках мерцали огни крошечного поселка, куда они приехали не в гости и не в командировку.

Они уже побывали на сопке, с которой, по словам старожилов, в хорошую погоду виден чужой берег. Познакомились с официантками в столовой. Дали домой телеграммы и теперь распаковывали вещи.

О! Это было тихое, но впечатляющее зрелище! Должно быть, не многие из их бывших товарищей по курсу могли бы открыть чемоданы и развязать рюкзаки, в которых лежали такие простые вроде бы вещи, исполненные большого Северного смысла.

Тут были складные ножи с десятками лезвий и обычные охотничьи ножи с массивными рукоятками, разобранные и тщательно смазанные двустволки (у Олега - бельгийский браунинг); теплые носки - вязаные и меховые, гусиное сало - для растирания обмороженных частей тела, таблетки сухого спирта, плиточный чай и чай байховый; крошечные (во особому заказу) походные примусы, диметилфталат, фотоаппараты с наборами оптики, термосы и специальные плоские фляжки, изогнутые таким образом, чтобы их было удобно носить в заднем кармане меховых брюк.

Все продумано, взвешено, почерпнуто из богатой практики полярных исследований. Без излишества и пижонства.

Да и сами они были серьезными, деловыми людьми: пора бы уже, не мальчишки, а взрослые специалисты, которым доверено покорять Север.

Венька был откровенно красив. Он сидел в небрежной позе слегка уставшего человека, и каждое его слово, жест, манера курить и прихлебывать чай говорили о том, что уж он-то хорошо знает, зачем прилетел в этот далекий край и что собирается здесь делать.

- Я слышал, на Чукотке летает один парень, не помню его фамилии. Летает классно. Но хорошо летать - это, в конце концов, наш профессиональный долг. За это памятники не ставят. А вот о нем чукчи сложили песню; исполняют в его честь танец. Это уже надо заработать.

Он налил себе еще стакан чаю.

- Так вот, я тоже хочу, чтобы обо мне сложили песню.

- А ты честолюбив, - сказал Павел.

- Конечно... Разве это плохо?

- Это хорошо, - серьезно сказал Олег. - Я тоже честолюбив. Только петь обо мне не обязательно. Я перед собой честолюбив. На глубине души.

- Застенчивое тщеславие, - буркнул Павел. Олег рассмеялся:

- Ты, я смотрю, язвительного склада человек. Ну, если проще говорить, мне важен сам образ жизни. Вот я сижу в Москве, на Второй Песчаной улице, на пятом этаже, слышу, как у соседа орет стереофонический проигрыватель, и мне делается очень не по себе. Почему? Да потому, что в это время шерп Тенцинг карабкается на Эверест, Хейердал плывет себе на плоту, Луи Бамбар переплывает Атлантику в трехметровой лодке...

- ...а старика Френсиса Чечестера сама королева Англии посвящает в рыцари! - торжественно добавляет Веня.

- Что? Ах, ну да... Только ты ничего не понял. Мне не нужны

аплодисменты. Я себе сам аплодировать буду. Я хочу узнать, могу я или не могу заставить себя жить на пределе? Могу я, скажем, в одиночку сплавиться по Индигирке или еще по какой-нибудь реке, по которой в одиночку сплавляться не рекомендуется. Вот тогда, если окажется, что я все это могу, тогда я себе и поаплодирую. На глубине души... Что, не понятно?

- Нет, почему же... - сказал Веня. - Я понимаю. Все мы ищем свою Большую реку, каждый хочет знать, на что он способен... Павел, например, я вижу, способен всю банку съесть и даже о последствиях не думает.

- Ну вот видите, беда какая, - пробормотал Павел, облизывая вымазанные вареньем - Мне даже как-то неудобно перед вами, того, что я варенье люблю, я еще и не честолюбивый.

- Ты рискуешь прожить скучную жизнь, - веско сказал Олег.

- Нет, я не рискую. Мне еще никогда не было скучно. А если уж зашел разговор о том, кто зачем сюда приехал, то я приехал эму, что мне везде интересно. А особенно где я не был.

Он чуточку помолчал, посмотрел на ребят и простодушно добавил:

- А кроме того, меня сюда распределили, Сам-то я не очень рвался. Но вы не думайте, я - с вами. У вас честолюбие, у вас великие идеи - познать самих себя, и мне это подходит. Глядишь, сам таким стану. Буду себе аплодировать на глубине души и ждать, когда обо мне песни сочинять начнут.

- Укусил! - расхохотался Веня. - Ну, укусил!.. Ладно, будем считать, что из нас может получиться неплохое трио, или, говоря интеллигентно, творческое содружество смелых и энергичных людей, готовящихся покорить Чукотку. По-моему, у нас есть для этого данные...

Уступая настойчивой просьбе трех молодых специалистов, комендант поселил их в небольшом деревянном домике, который тут почему-то назывался "балком". Они наскоро заделали щели, насобирали в поселке всякой мебели, и Олег, открывая на новоселье бутылку шампанского, произнес тост:

- Мы будем с Павлом рыться в земле, ты, Веня, будешь парить в небе... Я не очень вычурно говорю? Так вот, мы будем каждый заняты своей работой, но мы - вместе! А это большая сила - геолог, геофизик и пилот! Соединение стихий, образно говоря... Что, меня опять занесло? Это все шампанское виновато, больше не буду. Просто я хочу всех нас. предупредить вот о чем. Север коварен. И не лютыми морозами, при которых, как повествует фольклор, замерзают на лету птицы, не цингой, от которой мы, слава богу, давно избавлены заботами наших фармацевтов и снабженцев, - Север коварен своими экзотическими миражами. Да не уподобимся мы тем мальчикам; которые, однажды побывав в море на увеселительной прогулке, потом всю жизнь носят мичманку с крабом! Вы меня поняли, смелые, энергичные

- Ты, должно быть, хорошо выступал на семинарах, - сказал Павел, который хоть и прочел всего Джека Лондона, еще не научился так вот лихо говорить о Севере и о своем к нему отношении. - Но тем не менее Мы тебя поняли. Какие могут быть миражи и прочее в наш-то рациональный век? Содвинем бокалы - и за работу!..

Давно это было. Очень давно. Восемь лет назад. Они еще не знали тогда, что, какой бы рациональный век ни стоял на дворе, каждый, кто впервые попадает на Север, - если он не вполне законченный сухарь, - непременно должен переболеть и романтикой, и экзотикой, и розовой чайкой, и многим, многим другим.

Еще бы... Чукотка. Острова Серых Гусей и остров Врангеля. Соленый запах моря и пыльный запах прочитанных книг, со страниц которых вошли в твою жизнь седые кресты над могилами тех, кто пришел сюда до тебя. А сегодня ты можешь потрогать эти кресты руками. И положить на стол кусок изъеденного морем шпангоута - обломок неизвестно чьей судьбы, выброшенной на берег океана.

Никуда от этого не денешься. Не делись и они. Сегодня можно лишь; со снисходительной улыбкой многоопытного человека вспомнить, во что превратили они на первых порах свое многострадальное жилище! Как только' не называли

его! Бунгало, шалаш, гасиенда. На нестроганных досках громоздились черепа моржей с устрашающими клыками, вместо табуреток стояли позвонки китов величиной с хороший полковой барабан, по углам в заранее продуманном беспорядке были свалены весла, карабины, спиннинги, какие-то полустгнившие доски, которые, по словам знающих людей, то ли были выломаны когда-то из ограды казачьего острога, то ли имели еще более таинственное происхождение.

А сами они даже дома ходили в штанах из лахтака, перекачивали во рту из угла в угол короткие морские трубки и питались большей частью строганиной из нельмы и оленины.

Ну и, конечно, стены всего дома от потолка до пола были увешаны картами с обозначением маршрутов, в которых они еще не бывали...

Мальчишки, мальчишки... Как им хотелось быть серьезными и как не хотелось взростеть!

А пока проходили годы. Облетела мишура. Ребячье озорство и позерство превратились у них в глубокую и нежную привязанность друг к другу, к своей работе, из которой они уже "е делали сказку и не фотографировались среди ледяных торосов. Они не ходили в меховых унтах, если можно было в них не ходить, не вешали над кроватями карабины. Они хорошо жили там...

В тридцать лет у Веньки от глаз побежали первые морщинки, у Олега торжественно выдернули седой волос. Он отмахнулся и сказал, что седым никогда не будет, потому что раньше полысеет. Это у них семейное. Но гены подвели, что-то не сработало в аппарате наследственности, и сейчас он сидит перед Павлом с широкой седой прядью через всю голову. И морщины у глаз. И Сын у него, скоро три года будет.

"И у меня, тоже, - подумал Павел. - У меня тоже, наверное, скоро будет сын. Или дочка. Из Татьяны должна получиться хорошая мать. Недаром Венька говорил, что у нее есть один бесспорный талант - быть женой и матерью".

Он представил ее сейчас в пушистом халате с распущенными волосами, всю такую домашнюю, что ему тоже сделалось очень тепло и по домашнему уютно.

Танька. Танюша... Откуда ты взялась? Да ниоткуда. Была и была все это время рядом, потом оказалось, что так надо.

- Ты любишь меня? - спрашивала она, и он ласково говорил:

- Ну конечно, люблю, глупенькая ты моя. А как же иначе?

- И я тебя тоже, - спокойно говорила она. - Я тебя тоже люблю.

Таня работала в их же экспедиции. Они познакомились пять лет назад, долгое время были хорошими приятелями, ходили в кино или сидели в библиотеке - Таня готовила диссертацию. Потом пили у нее чай, ужинали иногда все вместе, с Олегом и Венькой, потом с женой Олега и Венькиной невестой, и Павел сейчас не помнит, когда она впервые погладила его по волосам, а он поцеловал ее, просто так, в ответ на милую ее ласку. И после этого тоже ничего не изменилось. Им было хорошо вместе. Спокойно и хорошо. Они не очень скучали друг без друга, но радовались встрече, и со временем как-то получилось так, что Павел привык постоянно чувствовать рядом с собой хорошего, доброго и нужного ему человека.

Он знал о ней все, и она тоже знала все про него; у них были одинаковые вкусы - оба терпеть не могли балет и любили живопись, катались на лыжах и читали фантастику.

Он знал, что всего лишь привязан к ней, но это его не смущало.

- Ты любишь меня? - привычно спрашивала она.

- Люблю, конечно...

А что, по-своему он прав. В конце концов, как он успел заметить, все то, что мы называем любовью, длится шесть месяцев до свадьбы и шесть месяцев после, а потом начинается Нормальная жизнь. Почему бы не перейти прямо к ней, опустив этот год за ненадобностью? Никто не спорит, приятно таскать цветочки и лепетать что-нибудь такое, и носить на руках, но одним годом можно пожертвовать. Для себя пожертвовать...

- Может, тебе такая и нужна, - говорил Олег. - Может и нет...

Кто ему нужен, показали годы пять лет вместе, а это лучшая страховка от всяких неожиданностей, не придется через год собирать на развод деньги и сетовать, что не сошлись характерами и нет общих интересов.

- Давай поженимся, - сказал однажды Павел. - Чего тянуть?

- Ну вот еще... Зачем нам сейчас это? Для порядка, чтобы соседи не косились? Так я не боюсь... Поженимся, конечно, что нам еще делать? Только сначала я диссертацию защищу.

- Ты очень умная, - согласился он, - И очень все хорошо понимаешь. Будь по-твоему,

Куда действительно спешить? Потом она уехала в Ленинград, стала кандидатом наук, выменяла однокомнатную квартиру на двухкомнатную - это тоже надо уметь - и, между прочим, договорилась о его переводе в научно-исследовательский институт редких металлов и золота.

"На все и про все даю тебе полгода, - писала она. - Хватит, чтобы и на работе все устроить, и с Чукоткой попрощаться, на рыбалку съездить, побывать на мысе Кюэль, у колокола, в последний раз дернуть за истлевшую веревку и послушать его медный бас. Ты ведь, я знаю, обязательно будешь там.

Хватит времени привыкнуть к мысли, что подавляющее большинство советских граждан живут много южнее Полярного круга и им от этого не хуже... А детям, особенно новорожденным, на Севере не хватает кислорода. Я правильно говорю? Ты ведь захочешь быть любящим отцом?"

Все правильно, Танюша. Кислорода, должно быть, действительно мало. Правда, у Олега пацан вымахал здоровенный, со спины щеки видать, ни разу не чихнул, но это ни о чем не говорит. Олегу во всем везет.

А про колокол ты могла бы и не писать... Павел вспомнил, как это было. Старые лоции говорили, что на песчаной косе у мыса Кюэль с конца прошлого века висит загадочный колокол братьев Сиверцевых. Он обладал удивительно густым басом, а тайна его заключалась в том, что появился он на маяке неизвестно как, в одну ночь. Утром служитель вышел и обомлел: под свежесрубленной треногой висел медный колокол...

Лоций ребята не читали, но капитан Варг вспомнил, что да; действительно колокол был, имел изрядный голос, потом куда-то стинул: может, треснул, а может, его переплавили на дверные ручки.

Однажды, когда они еще спали, пришла Надя, дочь капитана, и прямо с порога, не раздевшись и не поздоровавшись, сказала:

- Ребята, я нашла его! Он совсем рядом. За мигалкой, у старого маяка.

Они шли туда целый час, по колено провались в рыхлый, только что выпавший снег, поднялись на грядку мыса Кюэль, серое закрывавшее с вечера небо, исчезло, стала зеленой, как трава, и по ней, как по траве, побежали, обгоняя друг друга, темные полосы. Скала у выхода из бухты с одной стороны заалела, а с другой покрылась белыми, изморозь, пятнами. Хлынуло солнце.

- Милое дело быть здесь художником, - сказал Олег. - Пиши как хочешь, все равно не поверит...

Колокол висел на деревянной треноге и был таким же древним, как все вокруг, как эти целые сопки, от которых начиналась тундра. Олег дернул за истлевшую веревку, и колокол отозвался густым медным ревом.

- Жив курилка, - сказал Павел. - Ну-ка... Тут что-то написано.

Они протерли зеленую медь и прочли: "Отлит в 1860 году на заводе братьев Сиверцевых из меди, прилежно собранной женами и вдовами моряков. Пусть сей колокол вселяет уверенность в благополучном исходе дела, будит в сердцах надежду, поминает -почивших без времени".

Олег, как всегда в минуты раздумий, долго шмыгал носом.

- Занятная штука. Сентиментальная, я бы сказал...

Потом они пошли к Татьяне. Она приготовила обед и несколько раз принималась подогрывать его, каша пригорела, кофе по недосмотру вскипел, и теперь надо было варить новый, не пить же всякую бурду. Все это ее

расстроило. Таня была человеком воспитанным и поэтому встретила гостей приветливо. Она заставила их отряхнуться, вывернуть носки, полные снега и смотрела на ребят с понимающей мудростью взрослого человека.

- Я куплю вам оловянных солдатиков, - сказала она, подтирая за ними пол. - Или волшебную лампу Аладдина. Будете пить кофе и придумывать себе чудеса, в тепле, по крайней мере. Насморка не схватите. Потом, уже за обедом, сказала, с улыбкой:

- Чего же вы раньше молчали? Я про этот колокол вот уже год знаю. Между прочим, цветной металл. Можно сдать в утильсырье. Спасибо скажут.

Надя отложила ложку.

- Замолчи! - сказала она. - Ты... думаешь что говоришь? Эту медь собирали жены моряков, чтобы их мужья не падали духом. Я не позволю тебе, трогать его...

И посмотрела на Татьяну так, что Веня ткнул ее под столом ногой.

- Мальчики, - сказал он, - я понимаю, медь нужна для процветания металлургии. Цветной металлургии. Можно, кроме того, сдать в музей. Но пусть этот колокол, этот медный страж, предупреждавший когда-то моряков об опасности, пусть он и сегодня послужит нам...

Веня налил себе рюмку водки, поднял ее, посмотрел на свет и серьезно добавил:

- Пусть и сегодня гремит иногда над побережьем его голос. Но не бейте в священную медь по пустякам. Если у кого-нибудь сдадут нервы, если кто-нибудь заскорбит душой, извернется, устанет, если кому-нибудь просто станет плохо и он готов будет поверить, что это навсегда, - пусть он придет к нашему колоколу, на этот обрыв, где начинается тундра; пусть послушает, один, только раз, его мудрый голос и пусть знает, что в эту минуту мы все вместе. Только не бейте в его медную грудь без толку...

- Да будет так, как ты сказал, - торжественно проговорил Олег. - Потом он обернулся к Наде: - А ты отныне нарекаешься хранительницей маяка, Главным инспектором колокола.

Надя серьезная девочка. Она сказала:

- Я согласна...

- ...Рейс триста восемнадцатый, просят пройти на посадку.

Олег проводил его до турникета.

- Ну, вот и все. Лети, старина.

- Лечу... Ты адрес помнишь?

- Записан, как же...

Они постояли еще минуту. Потом неумело, впервые обнялись, и Павел пошел по бетонным плитам. Он шел не оглядываясь, зная, что Олег все еще смотрит) ему вслед.

"Плохо тебе будет без нас..."

...Земля уходила вниз. Через пятнадцать часов он прилетит в Москву. Видишь, как все просто.

Он поудобней уселся и стал думать о том, что Татьяна, наверное, уже закончила ремонт, что-нибудь намудрила у него в кабинете, мебели понатолкала столько, что не повернешься - он половину выкинет. Но все равно приятно - в хлопотах Татьяна, в ожидании. Это ей идет...

Его разбудил телефонный звонок.

- Да, - сказал Павел. - Доброе утро... Ах, это ты. Извини, Алексей, не узнал. Здравствуй. Еду. Прямо сейчас, надеваю штаны и еду. Задержался, говоришь? Ну бывает. Я только вернулся из деревни, вчера ночью... Жди, в общем.

Павел положил трубку, подумал о том, что сегодня впервые за восемь лет он говорит по телефону, не вылезая из-под одеяла, еще раз потянулся и хотел было идти на кухню делать зарядку, но засмеялся и снова подумал, что раз ему звонят прямо в постель, то уже, конечно, не утро и можно один раз плюнуть на зарядку и душ.

Комната была залита солнцем: оно струилось в распахнутые настежь окна вместе с ветром и звуками московских улиц. Кончался август. Кончалось лето, и телефонный звонок напомнил ему, что пора наконец приниматься за дело.

Вчера звонила Татьяна, ругалась, даже всплакнула, кажется, в трубку. Она права, нельзя же целый месяц торчать в Москве и не выбраться хотя бы на пару дней в Ленинград, Это эгоизм. И потом, ей просто нужна помощь - она, в конце концов, женщина, ей трудно уговорить слесаря поставить раковину по-человечески, они все пьяницы, эти слесари.

Вот так она ему сказала. И еще добавила, что если уж очень соскучился по своим московским друзьям, если ему необходимо торчать в глухой деревне и ловить там раков, то пусть ловит, бог с ним, но мог бы выбрать время и зайти к Rogozinu в министерство. Можно подумать, что это Rogozinu нужно назначение, а не ему...

"В мире есть один человек, который всегда прав, - с удовольствием подумал Павел. - Это Танька. Завтра же поеду. Возьму сейчас в министерстве бумагу - и с приветом! Буду гулять по Невскому. Ох-ох-ох! Не верится даже..."

- Ты уже проснулся, голубчик? - спросил, во входя в комнату, отец. - Поздравляю тебя... И возьми, пожалуйста, это мой тебе подарок. Ко времени, думаю. - Он нагнулся, поцеловал сына в лоб и положил на одеяло кожаную папку с монограммой.

- Вот ведь оно как, - растерянно сказал Павел. - Я совсем забыл, просто вылетело из головы... Спасибо. Это, что же, выходит, мне уже тридцать три года? А ты не напутал, папа?

- Ты родился ночью, - сказал отец. - Почему-то все дети рождаются ночью. Да. Ну что тебе пожелать? - Он посмотрел на сына, слегка наклонил голову и спросил: - Может быть, мы это намного отметим, а?

- Неси, - согласился Павел. - Я сейчас...

Пока он одевался, отец принес из холодильника бутылку коньяку, лимон, кусок сыра и две крошечные серебряные стопки. Они чокнулись, выпили, и отец, убрав поднос, сказал:

- Когда ты родился, мне тоже было тридцать три года. Я считаю, что треть века - чем-то знаменательный возраст.

- Точно, - сказал Павел. - Знаменательный. И удачливый. Мне только что звонил Алексей Rogozin, мой школьный товарищ. Он теперь в министерстве. Приказ о назначении подписан. Ты улавливаешь суть? Тридцать три года. Отец преподносит папку для бумаг, а товарищ из министерства - назначение в Ленинград. Буду я теперь специалистом по Северо-Востоку и буду рай в месяц приезжать к тебе на коньяк. А? Ты доволен?

- Я доволен сынок. Очень доволен. А теперь давай пить кофе.

Они позавтракали молча. Потом кто-то позвонил, отец вышел и вернулся с письмом, - - Тебе, - сказал он.

Павел вскрыл конверт.

"...Я получила вашу открытку, дорогой Павел Петрович, и очень сожалею, что вы нас не застали. Мы с дочерью отдыхали в санатории. Приезжайте. Надо ли говорить, с каким нетерпением я буду вас ждать. Всякая весть о моем сыне мне очень дорога. Ваша Лидия Алексеевна".

- Кто это? - спросил отец,

- Это мать моего друга, я рассказывал тебе... Ну, что ж, папа, я, пожалуй, поеду. Мне надо побывать за городом. Ты разрешишь взять машину?

- Конечно, бери. Она заправлена.

В министерстве было прохладно и гулко. Павел шел по коридорам, встречал

старых приятелей, кивал головой, и ему уже не хотелось, как прежде, отыскивать среди них северян и долго выспрашивать, что и как. Теперь это вроде бы ни к чему.

Алексей Николаевич Рогозин, полярник, так сказать, де-юре, мудрый, и респектабельный, сразу же ухватил суть вопроса и, как всегда, сразу его сформулировал.

- Хватит, - сказал он. - Я понимаю, поездил, поколдобродил, надо и кирпичи укладывать, - и подмигнул, хорошо подмигнул, понимающе. - Семью надо устраивать, Детишек заводить, костюм пора на плечики решать, а не так, шалай-валяй... К тридцати годам, мой друг, окислительные процессы в организме затухают, человек достигает состояния динамического равновесия; отдача должна быть равна поступлению... Словом, Питер?

- Питер, старина.

- Заметано.

- И свадьба через неделю.

- Скажи пожалуйста! И у меня завтра свадьба. Слушай, по старой дружбе - давай ко мне! Гульнем, а? С размахом, по-северному...

- Это мы умеем; - перебил Павел. - Гулять по-северному, работать по-материковски... - И тут же осек себя: - Спасибо, Леша, не выйдет. Завтра уезжаю. Но мысленно с вами.

- Жаль, старина. Ну, ничего. Поезжай. А к концу года вызовем тебя на коллегию.

...Выехав на Белорусское шоссе, Павел облегченно вздохнул: он уставал от трамваев светофоров, от лезущих под колеса старушек. Сидеть за рулем в Москве давно стало не отдыхом, а потной работой, Москва утомляла его, зато вырвавшись за город, Павел вел машину так, что стрелка его спидометра всегда качалась у ста километров. Он любил пригород. Но не сегодня, потому что сегодня он ехал прогулку, и ехать ему было трудно.

Он не умел утешать, не умел говорить слова, которые надо говорить, потому что так принято, и, понимая, что ехать он должен, заранее боялся этой встречи... Веня погиб год назад. За время боль в сердце матери не утихла. Она, конечно, будет просить его снова рассказать о сыне, о последних его днях и минутах, но это не так страшно, как если бы ему пришлось идти к ней сразу...

Все это верно, но говорить о Веньке, рассказывать о нем можно было только так, чтобы Венька как бы присутствовал рядом, иначе получится не то. Получится рассказ о подвиге героя, о человеке, одержимом своей работой. Все это было. Но есть и другой Венька, живший с размахом, шумно и торопливо. И вот и-то и должен он рассказать матери...

В университетском дворе опадали листья. Было тепло и ясно, а все-таки не лето, и никуда от этого не денешься. И тени блеклые, и воздух словно бы разбавлен, и выражения лиц у подруг, хотя они и смеются, осенние: все очень хорошо, но все это скоро кончится... Ломоносов стоит нахохлившись: ему теперь большую часть дня приходится стоять в тени...

- Может быть, в Сокольники? - предложил кто-то.

"Смешно, - подумала Нина. - Можно пойти в кино. Можно поехать на теплоходе до Астрахани. А дальше? Зачем мы собрались здесь? Очень нам весело? Нам не весело. Очень мы нужны друг другу? Не очень. Традиция. Пять лет писали друг другу шпаргалки, теперь по шпаргалке проводим вечер встречи бывших выпускников биофака..."

А что, девчата, может, в "Балчуг"? У нас ведь сегодня не просто встреча, мы сдвигаем ряды, нас становится меньше. Пропьем Нинку? Ну, право же, пропьем? А завтра... Завтра будет поздно! Да, завтра узы Гименея... - Они крепки! Никаких ресторанов, никаких вольностей. Отбивные котлеты мужу будет жарить.

И сразу все стало на место, стало весело, дружно и спокойно, потому что нашлась готовая тема, и уже не надо было лениво вспоминать, кто, когда и

сколько раз сыпался на зоологии и какое было платье на одной из подруг, когда ее случайно засняли в кинохронику... Девчата постарались, чтобы русло разговора не иссякло. Куда они едут в свадебное путешествие? Ах да, Нина уже говорила... Отдельная квартира? Прекрасное. Ты, конечно, счастлива? Хотя, господи, ну кто же задает такие вопросы перед свадьбой. Алексей, наверное, в бегах, кольца обручальные ищет?..

- Так, значит, в "Балчуг"? - воспользовалась паузой одна из подруг.

- Простите, девочки, - развела руками Нина уже целиком в роли невесты. - Я бы с удовольствием, но вы же понимаете...

Подруги смотрели на нее радостно-сочувственно и кивали головами, как это делают всегда подружки невест.

- Ты поезжай, Нинок... Будь счастлива!

Потом она шла по улице Горького. Ей надо было к Белорусскому вокзалу: мама уже вернулась, конечно, и Алексей тоже скоро приедет, но она проходила остановку за остановкой, а у кино на площади Пушкина купила себе эскимо и пошла еще неторопливей. Новое платье цвета банановой кожуры и большая, плетенная из соломы сумка попеременно отражались во всех витринах...

Сейчас ей положено думать о жизни. О будущем и настоящем. Так положено. Так надо... И не думать о том, что витрины как зеркала: очень удобно ходить по городу и постоянно видеть себя с ног до головы...

В жизни бывают события, о которых говорят, что они главные. Считается, что между ними лежат разновеликие по времени и содержанию периоды жизни. А у нее? У нее, как у всех, тоже были такие события. Первый день в школе, аттестат, совершеннолетие, диплом. Первая зарплата. Теперь будет замужество, ребенок, потом защита диссертации, пенсия, серебряная свадьба...

Что еще бывает в жизни? Творчество? Да, конечно.. У избранных. У смертных бывает работа. Хорошая, честная, трудная. И ожидание, то, что начинается в Детстве. Оно просыпается в детстве, когда ты с любопытством открываешь дверь в другую комнату, открываешь книгу. Потом оно становится постоянным.

Еще бывает любовь. Но, может быть, любовь не главное событие?

Нина остановилась у витрины рыбного магазина. Было очень интересно видеть свое отражение в темном большом аквариуме, смотреть, как вдоль тебя растут водоросли, а поперек плавают, разные рыбы, как из зеленой сонной тишины этого аквариума тебе улыбается растерянная русалка. У русалок тоже не было любви. Плескались себе в лунном серебре, нагом попадались в сети...

"Ты счастлива? Алексей наверное, ищет обручальные кольца?" Да, он ищет кольца, А я счастлива...

В электричке Нина не стала проходить в вагон: была суббота, люди ехали с покупками, со свертками, цеплялись друг за друга, а здесь в тамбуре можно стоять и смотреть в окно.

Вот уже много лет она живет на даче, в небольшом бревенчатом доме, купленном отцом еще перед войной. И все эти годы около был Алексей, упорно топтал газоны и клумбы под окнами, ждал у калитки, водил в кино, был бесконечно внимательным и добрым. Он катал ее на лодке, а она сидела и смотрела мимо него... Смотрела на другого, на того, кто давно жил в ее воображении: в белой рубашке с короткими рукавами, темноволосый, загорелый, чем-то похожий на индейца... Он сидел и улыбался ей, когда она говорила: "Ну вот, ты снова пришел."

Сегодня ты не такой, как вчера, но это моя вина. Я просто тебя еще не придумала до конца..."

А напротив сидел Алексей.

- Ты любишь меня? - спрашивала она его.

- Люблю... Ты же знаешь.

- Это хорошо... Хорошо, когда тебя любят.

И все. Он так ни разу и не спросил: "А ты?" Должно быть, просто боялся услышать, что "нет, не люблю, но ты подожди, кто знает..."

Потом он уехал. Два года писал ей письма. А она вечерами сидела одна в саду или на веранде в качалке, и ей по-прежнему улыбался ее давний знакомый, тот самый, которого она выдумала еще в детстве, ее принц на белом коне, как сказал бы язвительный Венька...

И она ждала его, верила - вот сейчас, сегодня, через год он придет к ней или приедет, или она встретит его в метро - он обязательно будет, не может не быть, потому что она любит его...

Глупая, глупая... Ты ведь земной человек с горячей кровью и сильными руками, ты учишь детей и читаешь умные книги. Ты ведь знаешь, что любить надо реальность, данную нам в ощущении.

Реальностью был Алексей. Его и надо любить.

А еще у нее был Венька. Он быстро вырос и быстро улетел. Он так и не смог взять ее с собой.

В детстве он иногда подтрунивал над ней, говорил, что у нее слишком красивые глаза, а это банально - иметь сестру с красивыми глазами, тем более, что в них нет ничего, кроме ожидания манны небесной.

- . Вся жизнь - ожидание счастья, - серьезно отвечала Нина.

- Ты хочешь сказать - борьба за счастье, - поправлял Веня. - Или не так?

Нина читала стихи:

Простор огромных входов для вас.
Ждите у бронзы, у плоских панелей.
Ждите - и скрипнут дверные петли.

- Скрипнут? - переспрашивал Веня. - В смысле - врата судьбы откроются? Ну что ж, может и так. Только ведь там есть и такие строки:

Простор огромных морей для вас.
Встав на гранитный гарпун утеса,
Ждите в соленых брызгах и пене.

Вот так надо ждать, голуба моя душа, в брызгах и пене... И надо уметь видеть. И слышать. Человек, который в ракушке видит только перламутровую пуговицу, - трудный человек. А тот, кто слышит в ней только шум морской волны, тот по-моему, еще трудней... Надо быть сложным, жить просто. Любить трудности, а жить легко...

Жить легко... Эх ты, Венька, рыцарь мечты! Жить легко - это, по-твоему, значило жить так, чтобы некогда было остановиться и отдышаться, все время спешить - а вдруг что-то не успеешь. И жить просто тоже в твоём понимании означало делать то, что ты обязан делать в жизни: ты обязав был летать, и ты летал. Ты обязан был быть честным и мужественным, и ты был таким...

Ты смеялся надо мной, а сам постоянно был в ожидании, говорил, что лучший день тот, что еще не прожит, а лучшие дороги те, что еще предстоит пройти. И разве не ты поселил во мне веру в то, что человек просто не имеет права жить тускло и скучно, ото дня ко дню. "Да, конечно, жизнь - это форма существования белковых тел, - соглашался ты, - но ведь и амeba - тоже жизнь...

Абы какой жизни ты не хотел. Помнишь?.. Нет, это лучше не вспоминать, хотя теперь уже до конца дней будет слышаться ей та звонкая тишина, что наступила вдруг на летном поле Тушинского аэродрома, когда у самой земли, погас парашют Вени; будет слышаться его шепот: "Не беда, сестренка, перезимуем, ты лучше посмотри, чтобы мать Не перепугали", - и ее собственный крик, от которого она захлебнулась и оглохла; будут видаться ей глаза хирурга, обещавшего, что до утра Веня не умрет, а может быть, протянет еще сутки или двое... После того как Веня прошел комиссию и его вернули в училище, после того как врачи решили, что произошло чудо, он сказал ей

однажды - это было в Крыму, в крошечном ресторане на горе, - он сказал ей тогда, что пусть кто угодно считает его выздоровление подарком судьбы, он-то, знает, что чудес не бывает. Это чудо сотворила она.' Своей верой в него.

- Мы оба должны прожить очень хорошую жизнь, - сказал он ей. - Понимаешь? Хорошую. Должны быть счастливы. Это обязательно. Но это трудно... Видишь... - Он поднял голову и в упор досмотрел на солнце. Зрачки его стали совсем маленькими.

Она испугалась:

- Перестань! Нельзя же так... Ты испортишь глаза.

- Нет, не испорчу. Я давно приучаю себя смотреть на солнце. Это нужно летчику. И это каждому человеку. Так же, как умение идти против ветра, плыть против течения.

И еще он сказал тогда:

- Я хочу, чтобы человек, которого ты полюбишь мог бы стать моим другом. Иначе мне, будет обидно. Ну, это просто так, конечно.

После смерти Веки Она жила словно в вакууме. Слишком многое в жизни, в прошлом и будущем, было связано у нее с братом, и то, что он, вопреки всему на свете, летал над океаном, писал ей смешные, веселые письма, звал на птичьи базары Зеленой косы, и на мыс Кюэль, где висел их колокол; то, что по-прежнему искал живого ихтиозавра и не боялся смотреть на солнце, и даже то, что он любил Надю, - все это было для нее как бы гарантией того, они ничего не придумали, все действительно сбудется, так же, как сбылось у Веньки, и очень скоро, может быть, завтра...

Теперь ничего этого нет. Наступила девальвация Пустота... А может быть - отрезвление Детские сказки, девичий бред? Ну сколько же можно, действительно, слышать в морской ракушке, в куске известняка, шум лазурного моря?

Все живут. И она тоже проживет не хуже других...

Электричка вздрагивала на стрелках, вагоны мотало из стороны в сторону. Нина забилась в угол тамбура, смотрела в окно, думала. Ей трудно сегодня.

...Два года назад у них тоже был вечер речи. Они собрались у Маяковского, два факультета, биофак и геологи, было много людей, были посторонние, они держались поодаль. Позже всех пришел бородач геолог. Он только, что вернулся с Севера, где работал вместе Алексеем, и девочки повисли на нем, затормошили, затуркали вопросами.

Тихо, - сказал бородач. - Потом. Я привез сюда голос вашего товарища. Минуту. Он сел на гранитную тумбу у памятника и положил на колени портативный магнитофон. Внутри что-то забулькало, заверещало, послышался кашель, потом удивительно близкий совсем не искаженный голос Алексея словно перенес их всех за тысячи километров, на берега крохотной речушки в поселок из пяти домов... Нина все это знала на память: он в каждом письме рассказывал ей, как он добрался, сколько в поселке собак и какие цветы растут на топком вязком болоте... Она знала и помнила это, но вместе со всеми, поддавшись неведомой силе дальних дорог и голоса, пришедшего с этих дорог, стояла и боялась дышать... Их окружали старые и молодые, те, что пришли на встречу или просто, как всегда, к Маяковскому, и те, и что проходили мимо, стояли и слушали...

И вдруг, на минуту смолкнув, он громко позвал: "Нина! Ты здесь? Ты слышишь меня? Конечно, слышишь! Я хочу, чтобы ты знала и помнила каждый день и каждую минуту, что я живу с, тобой, где бы мы ни были, ты и я; чтобы ты снова, как раньше спрашивала меня: "Любишь?" - и слышала бы; "Люблю!" Я хочу, чтобы весь мир знал об этом." Возьми эту пленку себе. Ты поняла? Возьми и слушай. Каждый день".

Минуту было тихо.

- Возьми, - сказал бородач и протянул ей картонный пакетик с пленкой. Возьми. Это твое.

Он говорил еще что-то, но она уже ничего не слышала, кроме биения сердца... Она бежала домой, на вокзал, на дачу, туда, где еще не стерлись следы Алексея; она повторяла его слова и старалась удержать, в памяти его голос... Боже, какая она в самом деле телка! Разве такая любовь - любовь через годы, через тысячи километров, - разве такая любовь не священна! И разве на нее можно не ответить?... Она остановилась, словно наткнулась на что-то. - Можно на нее не ответить? - медленно переспросила она себя. - Можно. Можно позволить любить себя. И она делает это. Делает; Потому что хватит забивать себе голову сказками. Она словно шарахнулась в сторону. Мстила себе за годы сентиментального бреда, всяческой чепухи, такой наивно-детской, что если бы рассказать обо всем подругам, они подняли бы ее на смех.

Раньше она избегала веселых застолий с вином и танцами: ей было тоскливо сидеть и слушать умную чушь и абстрактные анекдоты. Ловить на себе откровенные взгляды, чувствовать, как во время танцев руки партнера красноречиво говорят о его желаниях. Она не была ханжой. Просто ей было противно.

Теперь она все чаще и охотней принимала приглашения. И хотя ей по-прежнему было скверно от этих компаний и руки кавалеров не сделались деликатней, она ловила себя на мысли, что ей любопытны эти люди.

Как любят они? И любят ли? И обязательно ли это? Вот та милая девочка с фарфоровым личиком - у нее муж, спокойный тихий интеллигент, кажется, физик. Она ведь с ним счастлива, правда? Или не очень, если вот уже который раз Нина видит ее с чернявым хлыщом из Мосэстрады... Или это одно другому не мешает?..

А Рита?

С Ритой они вместе росли. В школе она даже пыталась отбить у Нины Алексея. Трезвая такая была девочка, деловая. Знала много умных слов и называла Нину человеком созерцательным. "Человек - сам кузнец своего счастья", - любила она повторять. Потом вышла замуж. Подруги ей завидовали, потому что муж действительно был очень хороший человек, добрый, честный, пользовался уважением.

"И я его очень уважаю, - сказала она Нине за несколько дней до свадьбы. Доверие, общность интересов и уважение - именно в этом я вижу залог счастливой супружеской жизни".

А про любовь ни слова. Потому что деловая. А я человек созерцательный.

Ритка, должно быть, действительно счастлива. Грустной я ее не видела.

...Алексей вернулся год назад. Все было ясно, но он решил сделать формальное предложение и сделал его в тот же день в саду, на лавочке, под старым кленом. Нина сидела и ждала, когда он заговорит, но эта лавочка и этот клен почему-то раздражали ее. Алексей сказал все, что надо было сказать, хорошо сказал, с чувством, с волнением, заверил, что любовь его прочна и глубока, проверена временем, а поэтому надежна.

Мама уже несколько раз выходила на веранду, наверное, сейчас назовет пить чай, и надо ему ответить, что все ясно, они поженятся, когда он захочет, но вместо этого она зачем-то спросила:

- А там для меня есть место?

- Ну еще бы! Разве ты не знаешь? Я уже договорился, будешь работать в соседнем институте.

- Глупый! Я не об этом. - Она ткнула пальцем ему в грудь. - Вот здесь, для меня много места?

Он обнял ее и сказал уже почти спокойно:

- Ты знаешь, как я торопил время? Я без тебя не жил, а просто существовал во времени и пространстве. Знаешь, есть такая философская категория?

- Да, дорогой, знаю... Есть такая категория. Пойдем пить чай.

Свадьбу, однако, решили отложить. Нина не совсем здорова. Да и стоит

подождать, пока Алексея утвердят в министерстве.

Некуда действительно торопиться?

Год между тем прошел. На завтра назначена свадьба...

Нина смотрела в окно. Думала. И чуть не проехали остановку.

Было душно, каблуки вязли в асфальте, над головой гремели железом мосты, и поезда не успевали привозить и увозить огромные толпы людей, которые здесь были уже не москвичами, но еще и не дачниками. Только теперь она заметила, что серые коробки домов, шедшие плотным строем с ближайшей станции, уже пришли и сомкнулись вокруг поселка, и теперь отсюда ничего, кроме них, не видно; не разглядеть ни дач, ни леса...

Ей на минуту сделалось грустно, но тут же она улыбнулась толстому растерянному полковнику, у которого обе руки были заняты кулками с яблоками; один кулек порвался, и яблоки стали падать. Нина подобрала их, положила в кулек, полковник благодарно кивнул, а ей было весело смотреть, как он сдувает со лба капельки пота...

Она долго шла по улице, одна сторона которой была застроена корпусами с балконами, а другая еще лишь намечалась траншеями фундаментов, потом свернула на аллею, в конце которой у их дачи стояла чья-то приبلудившаяся "Волга", и почти столкнулась с человеком в шляпе. Он вышел из Ритиной калитки, а сама Рита стояла у забора и смотрела ему вслед.

- Зайди, - сказала Рита, - сто лет не виделись.

Они виделись каждый день, но Нина все равно зашла, потому что ее дом был уже рядом, уже ничего не придумаешь, не станешь в очередь за квасом, чтобы оттянуть время. Она не торопилась в дом, где сегодня утром поставили тесто на свадебный пирог, и не хотела думать, почему она не торопилась...

- Страховой агент, что ли? - Нина кивнула в сторону калитки, через которую вышел мужчина. - Вид у него такой.

- Какой?

- Настойчивый.

- Все они... настойчивые. Поклонник. Из Серпухова ездит, не ленится. С мужем вместе работает, знает, когда его нет дома.

- Вид у него скучный.

- Ну и черт с ним,

- А чего не прогонишь?

- Не прогоню почему? А зачем?

Она теребила скатерть и смотрела на Нину вызывающе и пришибленно, и в то же время Нина чувствовала, что она вот-вот разревется. Такой она ее никогда не видала.

- Ритка, что с тобой?

- Да так... Что тебе объяснять, ты и так все знаешь. Этого выгону, будет другой, третий. Кто-нибудь будет, если в доме пусто... Черт с ним, не обращай внимания, я ведь всегда была нервная особа - Она пыталась улыбнуться, но слезы текли по щекам, вымывая светлые бороздки.

"Нервной ты, положим, стала совсем недавно", - подумала Нина, а вслух сказала:

- Перестань реветь, а то ресницы потекут. Выдумываешь ты все.

- Выдумываю. Только и осталось... Тебе хорошо. Хотя тебе тоже не хорошо... Ты знаешь, Нина, ты иди, пожалуй, а то я сейчас могу что-нибудь не то сказать... Муж у меня, семья, счастья полон дом, сама выковала, я же кузнец своему счастью... Чепуха, Нинок, не слушай. Обзаводись и ты семьей, пока Лешка не передумал. Хотя теперь не успеет. Только... - Она вытерла глаза и как-то жестко добавила - Только не удивляйся, если и тебе через год станет все равно с кем целоваться... Идем я тебя провожу. Не слушай глупую бабу, вечером приду. Ребят уложу и приду...

Небольшой деревянный дом почти целиком скрывался за густо разросшейся сиренью, и только кусок островерхой крыши с задиристым петухом на коньке высывался из-за зелени. Павел остановил машину. Лидия Алексеевна встретила

его у калитки, сразу почему-то узнала, обняла, несколько секунд постояла молча, потом сказала:

- Ну вот... А я дочку вышла встретить... Проходите, Павел Петрович, проходите, Ниночка сейчас придет. Вы - смелее, собаки у нас нет.

Она отворила калитку, и Павлу пришлось идти за ней, слегка наклонив голову, потому кустарник рос неухоженный, буйный, почти смыкался над головой. Дорожки были посыпаны желтым песком, и это была, пожалуй, единственная дань добропорядочному ведению хозяйства. Не было ни гамака, ни бочки с водой, ни столика, на котором вечерами пьют чай и играют в карты. Зато была большая клумба и газон возле веранды; и клумба и газон были несообразными, дикими, разбитыми вопреки всякому садоводству, но на них было много цветов.

- Вы разрешите мне называть вас по имени, да? Я ведь и вам мама. Вы посидите, я сейчас, быстро. У меня уже все готово. Она ушла в дом и тут же вернулась с подносом на котором были и сухари, и варенье, и сливки.

- Ну вот. Попьем чайку. У нас здесь тихо, и город близко. А я, грешным делом, горожанка, никак не могу привыкнуть. Все заросло, запущено, везде крапива. Дочь занята, ее работа, а я последнее время все больше е живу, среди людей.

Она говорила неторопливо, спокойно, запинаясь, и Павел подумал, что это у них, наверное, в роду, потому что Веня тоже запинаясь. Он был похож на мать: те же удлиненные, приподнятые к переносице глаза, те же резко очерченные губы, тот же слегка

восточный овал лица.

Она говорила, рассказывала Павлу о себе, о дочери, а он все не мог заговорить о ее сыне, хотя видел, что она ждет этого. Ему нужно было найти в этом доме что-нибудь от Вени, он еще раз оглядел комнату, но ничего не нашел, не увидел, все было спокойно... И он сказал слова, которых больше всего боялся:

- Веня погиб как герой.

Это была правда. Но не это было важно сейчас. Просто это были не те слова, они повисли в воздухе, чужие и никчемные... И вдруг в самом углу комнаты, над диваном, он увидел Венькину акварель. По голубым волнам бежала яхта.

- Мы хотели построить яхту, - сказал он.

- Простите... что? Ах, ну да, конечно, яхту, - она улыбнулась так молодо, что Павел не поверил. - Веня, правда, не умел строить яхты, но почему бы и нет, если надо?

- И еще мы хотели обогнуть Чукотку.

- Ну да... И хотели приплыть в Бискайский залив. Я все знаю о нем - что было, и что могло бы быть. Ведь он пришел к вам откуда, Паша, и рядом со мной стал тем, кем был... Я почти не плакала, и не потому, что выплакала все, просто... Ну вот, кажется, я сейчас поплачу немного, хотя я всегда говорила, что о нем нельзя плакать. Не обращайтесь внимания, Паша, рассказывайте.

И он рассказал ей о том, как ее сын мог ухаживать сразу за тремя девицами и тремя замужними женщинами, как мог он хвастать, совершать поступки вроде бы нелепые, которые потом оборачивались смыслом, как он летал, любил, дружил, спал на одной ноге, писал матери длинные нежные письма и никогда не успевал отправлять их; он рассказывал ей о Вене, который был отчаянным фантазером и мог краснеть, как гимназистка, о Вене, в котором соединялось много неожиданного, но все было его, Венино.

- Я вам сейчас его покажу, - сказала Лидия Алексеевна. - Хотите? У меня ведь много его снимков - и детских, и с Чукотки.

Она принесла тяжелый плюшевый альбом, и Павел приготовился улыбнуться при виде маленького Веньки на деревянной лошадке или с букварем в руках, но на первой странице встретил Веню в кабине большого двухместного планера;

"фонарь" еще не был задвинут, и Павел разглядел чье-то очень знакомое девичье лицо. Ну да, конечно, это же...

- Простите, это... ваша дочь, да? - спросил Павел, досадуя, что не помнит ее имя.

- Да, это Нина. Первый раз летят. Она ведь тоже когда-то в планерной школе была, за Веней потянулась. Совсем еще девчонка... А завтра замуж выходит, - неожиданно добавила Лидия Алексеевна. - Вот так все и получается... Еще чашечку выпьете? Я сейчас...

Лидия Алексеевна вышла поставить чайник. Павлу почему-то стало неприятно от ее последних слов, от того, что в этом доме выходят замуж. Так и есть. Память о сыне вытесняется заботами о дочери, о том, чтобы ей было спокойно и хорошо...

Пора ехать. У него сегодня последний вечер, надо пораньше вернуться, поужинать, позвонить Танюше и лечь спать, потому что завтра начнутся будни. А Веньки больше нет. Уже давно нет. И пусть акварельные яхты останутся детям... Лидия Алексеевна, должно быть, заметила какую-то перемену в настроении Павла, потому что оказала:

- Я, Пашенька, не думала, что справлюсь. Сразу, знаете, все навалилось. Муж у меня от рака умер. Потом Вени не стало. Но годы идут. И, если хотите, лечат: Да... - Она расставила посуду на столе. - Что-то Ниночка задерживается.

- А я уже пришла! Это чья такая роскошная машина возле калитки?

- О господи, как ты меня напугала! - Лидия Алексеевна поднялась навстречу дочери. - А где же Алексей?

- Приедет позже, к вечеру. Задумал, видишь ли, мальчишник устроить. С холостяцким житьем прощаться будет. Друзей назвал полон дом... А у нас гости?

- Да, да. Это Павел Петрович. От Вени. Помнишь, он писал нам? Познакомься пожалуйста.

- Скажите... - начала было Нина и замолчала. Павел подумал, что она, должно быть, никак не может сообразить, о чем говорить с этим незнакомым человеком, что сказать, а сказать что-нибудь надо, особенно если он приехал из тех краев, где жил и погиб Веня.

Молчание затянулось.

- Вы разрешите закурить?

- Конечно.

- Вы хотели о чем-то спросить, Нина?

- Да, хотела. Скажите, вы долго ехали к нам?

- Не очень. Минут сорок, наверное.

- Я не о том... А раньше? Вы собирались к нам раньше?

Павел слегка растерялся.

- Пожалуй... Два года назад я был в отпуске, Веня просил меня зайти к вам, но знаете, как-то все не успел.

- А до этого? Раньше?

- Да нет... Не собирался вроде.

И снова в комнате молчание. Звон ложек в стаканах... Эта девочка, так громко вбежавшая сюда с улицы, - это она принесла тишину? Он поднял голову и встретился взглядом с Ниной. Она смотрела на него настойчиво, в упор, и он увидел в ее глазах вопрос, недоумение, испуг, еще что-то - он не понял всего, не разобрал, он просто физически ощутил на себе ее взгляд и отвел, глаза.

- Ну, что это, Нина, ты человеку сразу допрос устроила, - улыбнулась Лидия Алексеевна. - Нельзя же так.

- Нет, почему же, - пожал плечами Павел. - Все верно. Мог бы и раньше приехать.

Он снова посмотрел на Нину. Она не отводила глаз. Вот так же смотрели Веня. В упор. Не мигая. Он даже на солнце смотрел не мигая.

- Это не допрос, - тихо сказала Нина. - Вы правы, нужно было приехать раньше.

Она поднялась и вышла.

- Господи, что это с ней? - Забеспокоилась Лидия Алексеевна. - Нервничает. Перемена в жизни.

...Нина стояла в соседней комнате, прижавшись лбом к стеклу, и старалась унять дрожь. Что он думает, этот Павел Петрович. Откуда ему знать, что я чуть было не сказала: "Ну вот ты и пришел. Никуда от меня не делся. Я знала, что так будет, всегда знала, думала даже, что это будет сегодня. Только я не знала, что ты придешь от Веньки... А ты пришел. Очень вовремя пришел. И очень поздно".

Она еще постояла немного, вытерла глаза, потому что в них что-то зашипало, и вышла на веранду.

- Вы извините, - бодро сказала она, усаживаясь за стол, - в электричке такая духотища, что-то с головой... Уже прошло... Скажите, Павел Петрович, вы ведь летали с Веней, да?

- Летал.

- Вы его близкий друг? Самый близкий?

- Да, - сказал "Павел. - Я его близкий друг.

- Веня писал мне.

Лидия Алексеевна вздохнула.

...Павел пил уже, наверное, пятую чашку и собирался пить еще. Он сидел в плетеном кресле, курил, слушал рассказ Лидии Алексеевны о поездке на курорт, смотрел на Нину, которая тоже рассказывала что-то не очень значительное, просто сидел и слушал и, откровенно говоря, хотел слушать, дальше... И все потому, что пришла эта взбалмошная девчонка, что-то там такое напутала, закидала нелепыми вопросами, сама, должно быть, перепугалась. И теперь вот стало, как после грозы, спокойно и не очень...

В этом увиделось ему что-то Венькино: вот так же пришел он восемь лет назад в их общежитие, поставил чемодан, огляделся, сказал что-то незначительное, сейчас и не вспомнишь что, и в комнате сделалось по-другому. Светлее, или, может быть, просторнее?..

Павел всегда терялся, когда хотел определить, что же умея привносить Венька в размеренную повседневность их жизни? Пожалуй, вот это необъяснимое ожидание. А что может случиться? Разве что дождь пойдет...

- Хотите, покажу вам наш сад? - спросила Нина, когда наступила пауза. - Вы можете нарвать цветов. Вам... есть кому рвать цветы?

- Есть. Но мне, к сожалению, пора ехать.

- Может быть, вы останетесь, Пашенька сказала Лидия Алексеевна. - Побудьте вечер, к Нине придут друзья. Познакомитесь с Алексеем.

- Меня ждет отец.

- Да, ну тогда конечно... В следующий раз, хорошо? Кстати, я тоже поеду, Нинок, я все сделала, что надо, а завтра ты мне позвонишь и мы договоримся... Вы ведь подвезете меня, Павел Петрович?

- С удовольствием.

- Так я сейчас. Я только соберу кое-что. А ваш отец... Он что, живет совсем один? - спросила Нина, когда, Лидия Алексеевна вышла.

- Да, совсем один.

- А кто у него убирает?

- Никто. Сам убирает. Да он бы и не пустил бы никого, - улыбнулся Павел. - Сам ходит с метелкой и стряхивает пыль со своих сокровищ.

- У него что, книги?

Павел кивнул:

- Книги... А сегодня мне сказали, что на Кировской видели юбилейное издание Пушкина. Ну, Пушкин не залежится. Продали, наверное.

- Что-нибудь еще найду.

- Можно ехать, - сказала Лидия Алексеевна. - Я готова. Ты, Нинок,

позвони мне завтра пораньше.

- Хорошо... Подождите! Павел Петрович, знаете что? Возьмите меня с собой, я очень ходить по букинистам. У меня хороший вкус, честное слово. Мы обязательно что-нибудь выберем вашему отцу.

- Сумасшедшая, - заволновалась Лидия Алексеевна. - И куда ты поедешь? Ведь Алексей скоро должен быть, опоздаешь.

- Не опоздаю, - сказала Нина. - Куда мне теперь опаздывать?

Она была уже в машине.

- Вы ведь не против, Павел Петрович?

- Нет, - сказал он. - Я не против.

6

...Пушкин к сожалению продан. - вежливый сухонький старичок в бархатной кацевейке сочувственно кивал головой. Да-да, я понимаю, но на него всегда такой спрос. - Тем более редкий, уникальный альбом.

- Ну вот, - вздохнула Нина. - Я же говорила.

Вид у нее был такой удрученно-обиженный, что Павел улыбнулся: смотри-ка ты, она и впрямь огорчена, что отец останется без подарка

- Ничего, - сказал он, - что-нибудь-придумаем. А пока хотите, я свожу вас в кино?

- Нет.

- А в цирк?

- Не надо. Терпеть не могу дрессированных животных... Давайте лучше сходим на выставку, собак, это недалеко. Вы любите собак?

- Издали, - признался Павел. - Они меня почему-то кусают.

Выставка была в Сокольниках. Павел сроду не видел столько собак сразу: они стояли, лежали, бегали, рвались с поводков, рычали и повизгивали - огромные волкодавы и крошечные, почти игрушечные болонки, важные доберман-пинчеры и элегантные колли - это была поистине демонстрация собачьей гвардии.

Нина на глазах преобразилась. Она стала собачницей. Фанатиком. Она уже больше ни на что не обращала внимания, отмахнулась, когда Павел предложил ей мороженое; она, казалось, вообще забыла о его существовании, останавливалась возле каждого пса, заговаривала с хозяевами на каком-то особом языке собаководов, потом она подошла к свирепой овчарке, и Павел зажмурился, когда Нина стала гладить эту оскаленную крокодилью морду, но страшная собака вдруг мило улыбнулась и подала Нине лапу.

"Свихнутая девчонка", - подумал Павел, но тут же решил, что так и должно быть, потому что Веня тоже очень любил собак, хотя в отличие от собаководов-профессионалов ничего не понимал ни в родословных, ни в экстерьере, путал таксу с лягавой и даже подчеркивал, что он любитель, а это значит любить собак, а не свое отношение к ним.

...Они уже прошли всю выставку. Нина подобрала под старым кленом охапку красных листьев, стояла, прижав их к груди, и Павел откровенно залюбовался ею - не женщиной с охапкой листьев и не, девочкой в коротком, словно еще школьном платье - он вдруг увидел в ней необыкновенно точное сочетание по-детски припухлых губ и спокойных, очень внимательных глаз, растерянности и силы; сочетание девчонки, сидящей на корточках перед волкодавом, и взрослой женщины, в которой угадывались прямота и решительность Веньки...

- Вы когда уезжаете?

- К сожалению, завтра.

- Почему - к сожалению?

- Ну так... не могу даже проводить вас к венцу.

- А вам бы хотелось?

- Конечно. Я никогда, не был на свадьбе.

- И я тоже... Только, знаете, "проводить к венцу" звучит, как "проводить в последний путь"..

- Правда? - смутился - Павел. - Ну, извините. Просто я глупо сказал.

- Это я глупо услышала. Ладно, чепуха. Нам еще не пора по домам, времени вон уже сколько?

- Черт с ним, со временем, не торопитесь. Я еще целых два часа могу быть в вашем распоряжении.

- Я не хочу на два часа.

Она смотрела на него в упор, и Павел, снова смешавшись, сказал:

- Вы знаете, у вас редкий цвет лица. Такой бывает на старых миниатюрах. И еще бывает у розовых чаек.

- Да-да... Вы говорите два часа? Ну, хорошо. Давайте поедем в парк? Покатаемся на чем-нибудь, на колесе, что ли. Сто лет мечтала.

- Я тоже. Едем. Представим себе, что мы студенты, получили стипендию и гуляем. Лодка, чертово колесо, мороженое. Остальное придумаем. Так?

- Ага.

На лодке он натер себе Мозоли, кого-то чуть не утопил и сам чуть не вылетел за борт; потом они улыбались в комнате смеха, улыбались вежливо и благопристойно до тех пор, пока Нина не превратилась в длинную уродливую тетку без ног и с кривой шеей. Тут она не выдержала и стала хохотать так, что на нее оглядывались. Потом они стреляли в тире, и Павел сдержанно бледнел, когда Нина попадала, а он нет, но скоро пристрелялся и пять раз подряд заставил вертеться мельницу.

- Я еще не так умею, - сказал он. - Давайте-ка на рубль...

Потом они сидели на веранде под большим полосатым зонтом, ели шашлык, про который Павел говорил, что это не шашлык, а резина, вот он готовит шашлыки - пальчики облизешь.

- Хороший стрелок и отменный повар, - рассмеялась Нина. - Какие еще у вас таланты? Выкладывайте скорее, время наше истекает.

- Вы когда-нибудь ловили раков? - спросил он.

- Нет, а что?

- Да вот я жалею, что не взял вас с собой в деревню. Я там ловил раков, так это были не раки, а лангусты. Вообще, там все было гигантское: лопухи, как баобабы, крапива выше забора, ну, про собак я и не говорю, собаки там...

- С теленка! - рассмеялась Нина.

- Ну, скажем, с овцу. И еще я искал там могилу Керн.

- Чью могилу? - не поняла Нина.

- Анны Керн. Той самой, которой Пушкин посвятил "Я помню чудное мгновенье". Правда, потом оказалось, что я ищу совсем не там. Но я не жалею. Это было здорово.

Это было и вправду здорово. Он долго колесил по пыльным проселкам, забирался в черт знает какие глухие места, в деревушки из пяти домов, где даже колодезный журавль выглядел внушительной постройкой; ночевал в лесных сторожках, слышал, как кричал леший, и не удивлялся этому, потому что в той глухомани, куда заводили его лесные дороги, просто грех было не кричать лешим.

Он бродил по деревенским погостам, меж старых, похожих на скворечники крестов с иконами и лампадами, стоял в тишине белых церквей, в звонком золоте осени, опадавшей на могильные плиты и ему открывалась невиданная им красота холодного синего неба, росного утра в блесках бабьего лета, багряного вечера, уходящего за околицу, и это пронзительное колдовство русского Севера заставило его притормозить бег машины, остановиться, чтобы выбрать в себя родниковую свежесть просторных березовых лесов, тишину полей, прощальный грачиный гомон...

И вот тогда он ощутил душевную неустроенность от того, что рядом нет ни Веньки, ни Олега, нет никого, с кем мог бы он разделить эту неожиданно пришедшую к нему радость, и он понял тогда, что нельзя быть с радостью

наедине: ее надо сразу же дарить кому-то...

- Да, это было здорово, - снова повторил Павел, подумав о том, что вот Нину он бы с собой взял. Она бы поняла. Она славный человек, честное слово, она бы не удивилась такой блажи - ехать неизвестно куда, искать могилу возлюбленной Пушкина. Только вот... Совсем ни к чему ресницы у нее хлопают, как у бабочки. И вообще, спокойно дружище, спокойно. Она сестра Вени, и этим все сказано. Понял? Мысли у тебя приняли нежелательное направление. Не надо так.

И, словно отгоняя от себя эти мысли, он сказал:

- Жаль, что я не знал вас раньше, Нина. Мы бы подружились, правда?

- Правда, - кивнула она. - Жаль.

- Ну, это поправимо. Вы не собираетесь в Ленинград? А то приехали бы к нам зимой, на каникулы. Я ведь тоже Ленинград почти не знаю. Посмотрели бы вместе, поехали. В Карелию на лыжах можно выбраться, и это недалеко, на электричке.

- Я не приеду в Ленинград.

- Понимаю. Вы - традиционная москвичка. Тогда давайте махнем летом в Среднюю Азию, минаретами будем любоваться.

"Если он скажет еще хоть слово, я разревусь, - подумала Нина. - Зачем ты говоришь все это? Замолчи. Неужели не видишь, что я улыбаюсь, и смеюсь, и говорю что-то связанное от страха, что ты исчезнешь. Господи, зачем я поехала? Зачем все это? Я не знаю, Я не могла иначе. Глупая, взрослая Я говорю себе трезвые слова и все арена, что завтра не наступит. То завтра, которое я себе выбрала. Которому я едалась.

Я не хочу в Среднюю Азию, - сказала она. - Терпеть не могу жару. И вообще, нам пора домой. Я раздумала ехать в парк.

В машине она притулилась к дверце и закрыла глаза. Павлу показалось, что она задремала. Устала, должно быть, за день. Жаль, что он уезжает. Надо было бы познакомиться с отцом, свозить к тетке, там бы она увидела настоящие цветы в академическом исполнении.

"Свозить, взять с собой в деревню. Что-то я не то говорю, - подумал он. - Зарапортовался. Нашел подружку. С мужем едем на пикник Пригласишь? Она небось посмотрела на меня и думала: "Ну, дуралей, чего ты меня по городу за собой таскаешь? Тебе неуютно сделалось сегодня в день твоего рождения, в день исполнения желаний! Ну, а я при чем? Мне домой надо, пироги к свадьбе печь..."

- Павел, - позвала она.

- Я думал, вы уснули.

- Нет, я не сплю. Я думаю. Знаете, когда я сегодня подходила к дому и увидела машину, я представила себе, что вот ехал по дороге человек, очень торопился, а тут, у нашего забора ему под колесо попал ржавый гвоздь и лопнул баллон. Человек долго ругался, потом подошел к забору...

- ...и стал кричать на хозяев, чтобы они ли где попало ржавые гвозди, - закончил Павел.

- Нет, не так. Он посмотрел, нет ли во собаки, потом прошел по аллее, пригнув голову, чтобы не выколоть глаза, поднялся крыльцо, увидел меня и маму, забыл что торопится, и попросил напоить чаем.

- А потом?

- А потом не знаю... Уехал, должно быть. Ехал и знал, что теперь всю жизнь будет просыпаться среди ночи, смотреть в потолок и думать, что лучше бы он не поднимался на это крыльцо. Лучше бы он проехал мимо. Он ведь и так проехал мимо, только вот теперь просыпается по ночам и курит...

Она сказала это и зажмурилась. Ей захотелось домой, к маме, уткнуться в подушку и плакать. Чтобы мама успокоила ее, сказала бы, что так нельзя. Так не бывает. Сейчас он свернет на Белорусское шоссе...

Она искоса посмотрела на Павла. О чем он думает сейчас? Ведь он не мог не понять...

Павел понял. Он чувствовал, как в нем начинает нарастать глухое раздражение. "Зачем она говорит все это: я не хочу на два часа. Может, я тоже не хочу. Сидит и рассуждает, видите ли, вслух. О том, что мир случаен, что можно проехать, пройти мимо, а у самой завтра свадьба. Венька бы ей за это всыпал. Ты не бойся, не переживай за меня. Я не буду просыпаться по ночам. Сейчас я сверну на Белорусское шоссе".

И вдруг он почувствовал страх. Самый обыкновенный страх, что ее не будет. "Чертовщина какая-то, - подумал он. - Еще не хватало! Ты хоть соображаешь, как все это выглядит? Неблаговидно выглядит, мягко выражаясь".

Он говорил себе все это и знал - говори не говори, а отпустить ее от себя он просто не может. Это внезапное открытие удивило его. Именно удивило, потому что все другие чувства просто ступевались перед этим непонятным ему состоянием.

И тут он вспомнил о капитане Варге. Это же надо! Чуть не забыл, что Александр Касимович сейчас в Москве, лечит свои болячки в каком-то институте.

- Нина, - сказал он, - мы обязательно должны побывать у капитана Варга. Вы ведь знаете, его дочь была невестой Веньки.

Нина подняла голову.

- И вы только сейчас вспомнили об этом? Теперь мы можем не успеть.

- Да плюньте вы на свои часы! - вдруг разозлился Павел. - Что за дурацкая манера, честное слово! До свадьбы еще далеко. Не помрут там ваши гости...

Павел знал Москву, как свою ладонь, и поэтому был обескуражен, когда, проехав улицу несколько раз туда и обратно, так и не смог найти нужный переулок. На помощь приедет молчаливый дворник. Он ткнул метлой куда-то в подворотню, Павел с опаской проехал под темными сводами, и они очутились в деревне... Огромный двор, скорее пустырь, сплошь зарос травой и лопухами, меж деревьев на веревках сушилось белье. И стоял один большой дом. Очень большой деревянный дом на каменном фундаменте, еще, должно быть, уцелевший от московского пожара.

- Старый бродяга. Он и в Москве сумел разыскать себе жилье по вкусу. - рассмеялся Павел. - Ну-ка, поднимемся по этим скрипучим ступеням.

На двери Варга висела записка: "Ушел на базар. Скоро буду. Если не задержат дела".

- Лаконично, - сказала Нина. - Как вы думаете, дела его задержат?

- Вряд ли. Водку он не пьет, пиво тоже.

- Ну, тогда подождем.

Они спустились во двор и сели на скамейку. К ним подошла большая дворняжка, увешанная репьями, посмотрела просительно, потом улеглась рядом и задремала.

- Пока капитан выбирает на рынке говядину, - сказал Павел, - я расскажу вам о нем. Я много видел всяких моряков...

Он действительно много видел моряков, самых что ни на есть просмоленных, продубленных и прокуренных, таких, что за версту видно, - вот идет моряк божьей милостью, он сто раз тонул, выпил десять бочек рому, перелюбил всех красавиц во всех портовых городах мира.

- Так вот, все они салаги по сравнению с Александром Касимовичем Варгом. Этот милейший человек, родившийся в Твери, уже с детских лет был отмечен необычностью своей фамилии: Варг не мог стать ни аптекарем, ни бухгалтером, ни врачом, потому что бухгалтер Варг - это одно, а капитан Варг - совсем Другое.

Не знаю, из этих ли, а может, из других каких соображений, но Варг действительно стал моряком. И вот со временем под гнетом этой своей фамилии сухопутный человек, всю жизнь мечтавший развести где-нибудь на юге сад и виноградник, превратился в закоренелого морского волка. Но совсем в ином обличье: он не курил трубку, не носил бороду, не поминал всеу святую

богородицу и Южный Крест, пил очень умеренно, чтобы не сказать не пил вовсе.

Зато он знал каждую мель и каждый пережат (если случалось заходить в устья рек) по всему северному побережью, знал навигацию лучше штурмана и мог собрать и разобрать все механизмы на своем буксире. Одним словом, моряк универсальный, настоящий, он скромно хвастался тем, что ни разу в жизни не тонул, не получал пробоин, не дрался в портовых забегаловках и, упаси боже, не видел Летучего голландца.

Вот такой он мужик – капитан Варг. Одна у него слабость – суеверен и сентиментален. В хорошем смысле. Морские традиции чтит свято, но трижды свято чтит те, которые придумал сам.

Каждый год, открывая навигацию, он уходил к песчаной косе за мысом Кюэль, ложился в дрейф и давал длинный, протяжный гудок. На берегу из дощатого домика старой метеостанции выходили люди с карабинами и отвечали ему тройным салютом. Тогда он спускал лодку и шел к берегу.

Когда-то, очень давно, а точнее, лет двадцать назад в этих местах разыгралась трагедия, подробностей которой не знает никто. Капитан, тогда еще механик на катере, случайно пристал к берегу – набрать пресной воды. На месте нынешней метеостанции стояла тогда крохотная охотничья избушка. Это, знаете, такое хитрое сооружение – вроде бы дом и вроде бы не поймешь что: в щели кулак пролезает, крыша течет даже в ясную погоду. В таких избушках на побережье летом обычно живут охотники-промысловики, часто – муж и жена.

Капитан шел мимо и вдруг услышал писк. Открыл дверь. А там в ящике лежит куль, шевелится и плачет...

Как погибли родители девочки, так и осталось загадкой. Море есть море. Капитан привез ее в поселок и, в ожидании, не объявятся ли родственники, (взял внеочередной отпуск: катер как раз поставили на ремонт.

Родственников не объявились. Капитан в ответ на многочисленные советы отдать ее в детский дом говорил, что эту девочку подарил ему море и поэтому он должен ее вырастить... Ну это долгая история. О Наде я вам расскажу потом, если придется.

Много лет прошло. И каждый год, в один и тот же день, капитан становился на рейде возле Песчаной косы, спускал лодку и шел к берегу.

Немногие знали историю, о которой я рассказал, но все знали, что такова традиция. А капитан в наших местах человек, о котором вы можете услышать в каждом поселке на всем тысячеверстном побережье. И его традиции становятся традициями побережья.

На метеостанции менялись смены, но, кто бы ни дежурил, в определенный день в доме наводился порядок, готовилось угощение – капитан любил оленью строганину и горбушу, вымоченную в масле. Встречали капитана у самой кромки, цепочкой шли по тропе, выбитой в скалах. Впереди бежал черный, с прозеленью от старости пес Пират.

Ужинали в кают-компании. Потом долго сидели, пили чай – в этом он тоже понимал толк, нас с Венькой научил. Обменивались новостями за год.

И вот пять лет назад случилось непредвиденное. Метеостанцию прикрыли. Где-то неподалеку выстроили новую, и она взяла, на себя заботы о нашей погоде. Это было, наверное, дешевле. И разумней. А традиции по смете не предусмотрены.

Ни я, ни Венька, ни Олег не были тогда еще знакомы с Варгом: мы видели его в лицо, и только, а он нас даже не видел.

Я помню, Венька тогда вернулся с Врангеля. Усталый, злой – что-то там стряслось у них по дороге, он долго сидел на койке, потом сказал:

– Вы слышали про этот финт? Через три дня Варг прилетает из отпуска – я узнавал у ребят, – а еще через день у него открытие, навигации. Вам очень хочется увидеть, как старый капитан стоит на мостике своего лихого корыта и смотрит на пустой берег? Мне не хочется это видеть. И даже представить не хочется.

Дай телеграмму протеста в Главсевморпуть, – сказал Олег.

Твой бы остроты да к делу, - огрызнулся Венька. - Вот что, мы будем встречать Варга на станции. У меня неделя отгула: часы вылетал полностью.

Надо ли, говорить, что ребята мы были тогда шустрые, До станции восемьдесят километров, а дороги нет никакой. Точнее, дорога морем. А в море еще шевелился лед, ни лодка, ни катер не пройдут, только ледовый буксир Варга таскает по такой воде баржи.

- Подумаешь, - сказали мы, - эка невидаль.

И Венька в тот же день договорился с друзьями-вертолетчиками. Это нарушало все правила, но иначе было нельзя... "Когда нужно бывает что-то по-человечески сделать, - говорил Венька, - то уставы молчат".

Мы вылетели за день. Нина, я доложу вам, это была работа! Представьте несколько комнат в которых пировали мужчины, зная, что больше никто не вернется. Представили? Так вот, мы все это вычистили, вымыли, порядок, от которого нам самим стало не по себе.

Ну, и, конечно, всякая еда появилась. Строганина, кета в масле, чай. Инструкцию мы получили у старой смены. Даже бутылку спирта приготовили на случай, если капитан изменит привычке.

И еще мы привезли Пирата. Он жил в поселке у сердобольного сторожа. Мы арендовали его на время.

Ровно в полдень буксир был на рейде. Мы прильнули к окнам. Капитан не торопился: должно быть, шла приборка. Потом заревел гудок, и с соседних скал сорвались в небо чайки. Их было столько, что если бы каждому москвичу дать по птице, то хватило бы, наверное, еще на пригород.

А дальше все шло по ритуалу: мы отсалютовали карабинами, капитан ловко выбросил на берег ялик, и вот мы уже сидим в кают-компани. Строганина съедена, и впереди чай.

В нарушение ритуала было только то, что капитан пришел не один, с ним была Надя. Но это опять же другая история, скажу лишь, что именно в тот день они, и познакомились

Торжественный, в парадном кителе, в ослепительной рубашке сидит капитан Варг. Глаза его, уже выцветшие, в красных прожилках, сияют неподдельной радостью: такие молодые ребята, наша смена, так хорошо встретили катана.

Потом он вспоминает молодость, смотрит на глаза его теплеют еще больше.

- Александр Касимович, - говорит Веня. - Вот, чтобы не забыть. - И они протягивают ему бланк. Это персональная сводка погоды на месяц. Специально для капитана Варга. Так уж заведено.

Капитан становится серьезным. Он берет бланк, прячет его в нагрудный карман и говорит:

- Спасибо... Сводку я получить не думал. Потом мы так же цепочкой спускались к морю. Впереди бежал Пират. Ему уже трудно было бегать, но он решил, что раз все, то и он... Такой уж сегодня день.

Капитан отвернул голенища сапог: форма формой, но лодку-то надо толкать. Потом обернулся к нам.

- Ну... - начал было Венька, но капитан перебил его.

- Ребята, - сказал он. - Такое дело... Вчера мне радио дали на борт. Чтобы, мол, не огорчался... Закрыли станцию, говорят. Пропади она пропадом.

Мы растерянно молчали.

- Надюша со мной пошла, чтобы мне не так пусто было. А гудок я дал - ну, гудок всегда давать надо. И не поверил, когда вы стрелять стали...

И тут я увидел в его глазах слезы. Это были настоящие слезы, Нина. Но капитан улыбался.

- Спасибо, ребята... Теперь уже никто не закроет нашу станцию.

Он шагнул в лодку. Надя минуту помедлила, обернулась, каким-то чутьем поняла, кто был во всем этом деле главным; подошла к Веньке и поцеловала его.

- За отца, - сказала она, - и за меня...

- Я хотел рассказать вам про Варга, Нина. А получилось про всех нас.

Потому что мы были все вместе. Почти всегда...

8

- Да, - сказала Нина. - Почти всегда. Я понимаю...

В эту минуту она вместе с Веней летала над замерзшей Чаунской губой, отыскивая дорогу последнему каравану судов; низко, почти касаясь торосов, пронеслась над ледовой трассой, по которой шли машины, и Веня покачивал крыльями, что значит - все хорошо, ребята, можете ехать спокойно, дорога в самый раз.

Вместе с ним по первому снегу она вывозила из тундры геологов. Они долго таскали в самолет всякий походный скарб и мешки с камнями, дотом все вместе пили чай у последнего костра, рассказывали друг другу свежие небылицы, и Веня обещал, что если они в будущем году не наловят хариуса, Он просто не прилетит за ними.

Она стояла с ним на берегу Теплового озера и смотрела, как из-за гряды Куэквуня восходит солнце: вода в озере густая и темная, как мазут, вспыхивала под его лучами глубокими малиновыми бликами. Рядом стояли его друзья. Капитан Варг. Олег и Надя, Павел... Они всегда были рядом. Даже тогда, когда были врозь. Потому что - иначе нельзя.

Только в последний свой полет он не взял ее. Потому что там он должен был быть один, чтобы одному распорядиться своей жизнью... Она закрыла лицо ладонями, боясь, что сейчас расплачется. Павел, должно быть, понял, прикоснулся к ее руке и тихо погладил. Она ответила ему слабым пожатием, не ощутив его успокаивающей ласки, потому что все еще была далеко отсюда. Павлу захотелось укрыть ее пиджаком, защитить от ветра. Обнять. Сделать что-нибудь, чтобы она снова рассмеялась, сказала бы, что вот Веньку собаки не кусают, а на него рычат, но ничего такого он сделать не мог...

- Нина, - сказал он. - Не надо... Видите, эта репчатая дворяжка уже смотрит на вас с обожанием. А капитан, похоже, загулял.

...Они уже собрались уходить, когда из-за угла дома показалась грузная фигура Варга. Капитан тащил авоську с капустой, тяжело дышал, отдувался. Павел поднялся ему навстречу.

- Бог в помощь, - сказал он. - Погодка нынче жарковата для старого полярника.

- Не говорите, - пробурчал Варг. - Наказание одно... О, господи! Ну, слушай-ка, откуда ты? Давно ждешь? А я вот... - он кивнул на авоську, - врачи, понимаешь, капусту жевать заставляют. Как все равно старого козла... Ну, чего стоим? Жарища такая...

Тут он увидел Нину, дотронулся рукой до фуражки.

- Здравствуйте! Капитан Варг.

- Александр Касимович, это сестра Вени.

- Вот оно что... - Он внимательно посмотрел на Нину. - Вы очень похожи на брата. Я рад, что вы пришли. Вениамин... мог стать моим сыном. Он был очень хороший человек, Нина. - Капитан говорил глухо, вся его грузность вдруг исчезла; Павлу казалось даже, что он стоит по стойке "смирно", а его распахнутый китель наглухо застегнут. - Он был очень щедрым человеком, Нина. Душевно щедрым. Я любил его... Я собирался не однажды навестить вас с мамой, но мне хотелось прийти к вам здоровым. Я не люблю бывать на людях больным... Ну... Почему мы все еще стоим? Прощу ко мне!

В квартире Варга царил продуманный, раз и навсегда установленный беспорядок. Кипы старых газет лежали на продавленном диване: Павел знал, что Варг занимается историей русского флота. А над большим рабочим столом висели фотографий Нади и Вениамина. Надя стояла на мостике отцовского буксира, щурила глаза и улыбалась, а Веня был заключен в овальную медную рамку.

Рядом, в таких же рамках, висели фотографии старых друзей капитана,

погибших на войне.

- Разговаривать будем во время еды, - сказал Варг. - Поэтому надо подать на стол. Разносолов не ждете, но кое-что есть.

Он вынул из холодильника тарелку с мочеными яблоками. Потом немного подумал к достал запотевший графин с водкой.

- Разбаловала вас столица, - сказал. Павел. - К рюмочке прикладываетесь. Мне, к сожалению, нельзя: я за рулем.

- А я тебя и не уговариваю, - проворчал капитан, - Мы выпьем с Ниной. По наперстку.

- С удовольствием, - сказала Нина. - Под строганину, да?

- Под капусту, - вздохнул Варг, - Тут разве строганину стоговишь, в эдаком пекле? Вы умеете готовить салат из капусты? С яблоками и с клюквой. И с постным маслом, конечно.

- Наверное, - сказала Нина, - Я попробую.

Варг увел ее на кухню, показал, что к чему, потом снова вернулся в комнату. Сел напротив Павла.

- Ну, - спросил он, - что нового?

- Да ничего вроде.

- Как Татьяна?

- Живет. Что с ней случится.

- И то верно. С ней ничего случиться не может, потому что она, человек не тебе чета, у нее жизнь на серьезную ноту поставлена,

- За то и ценим.

- Правильно. Вы еще себе дачу не присмотрели? Положительные северяне в вашем возрасте уже о старости думают. Собаку заведешь. Не баловства ради, а чтобы соседских ребят в строгости держать. Не присмотрели?

- Нет еще, - рассмеялся Павел. - Не присмотрели. Что-то вы сегодня меня все воспитывать взялись, на путь истины наставлять. Только у вас это подучается неуклюже, капитан...

Они не виделись всего полгода, но сейчас говорили как люди, расставшиеся по крайней мере несколько лет назад. Вспоминали смешные подробности, история, о которых на Севере не принято говорить, настолько они в общем-то обычны и будничны. И все потому, что встретились посередине Москвы два северянина, которым очень вдруг захотелось домой.

- А помнишь, как у Вени самолет разрисовали, когда он из-за погоды на Лабазной заночевал?,

Еще бы! Я даже знаю, кто это дочка Вутыльхина, Катерина. Написала на фюзеляже: "Веня плюс Надя равняется любовь". А потом кто-то еще и сердце изобразил... Венька целый час тряпкой орудовал пока не отмыл.

Это я тоже помню, - сказала Нина. - Венька писал.

Она стояла в дверях и ела кочерыжку.

- Я смотрю, Веня держал вас в курсе, - улыбнулся Варг. - Ну как, готова еда?

- Почти... Сейчас я доем кочерыжку, потом побью капусту с солью меж двух

тарелок, она даст сок, мы его сольем, чтобы убрать горечь и вот тогда можно будет сказать, что еда готова.

- Неудобно как-то получилось, - сказал Варг, когда Нина снова ушла на кухню. - Я ведь давно собирался навестить семью Вени... Ты давно с Ниной знаком?

- Только сегодня познакомился.

- Тоже. Все некогда было?

Павел поморщился.

- Александр Касимович, это вам не идет, нотации читать.

- Да уж правда. Не идет. Только к Нине следовало бы поехать в первую очередь. сначала к ней, потом ко всем остальным.

"Что-то уж больно громко", - подумал Пасам себе ужасаясь, сказал:

- Милая девочка, кто говорит. Ноги у нее красивые.

- Дурак ты, - тихо проговорил Варг. - У Таньки твоей ноги покрепче... Ты в бутылку не лезь, слушай. Напомнить хочу, что мужики, народ жилистый, на полюс летаем, врагов колотим, а придет главный час в жизни, когда не храбрость нужна, не сила, а мужество нужно самое настоящее - тогда и выходит, что не всегда ты самый главный... А вот эти ручки наманикюренные, они не только на фортепианах играть могут, они и от края могут отвести. От самого края...

Павел удивленно посмотрел на Варга: никогда раньше не говорил таких слов.

- Ты многого не знаешь, Павел. Да и я тоже. Веня об этом только Наде рассказывал, упал с парашютом, когда врачи даже не скрывали, что он всю жизнь будет хромать, это в лучшем случае, а в худшем - будет прикован к кровати, ты представляешь, должно быть, какой виделась, ему эта колченогая жизнь, как страшно было привыкать к мысли, что все, хана, ковыляй себе и смотри под ноги, чтобы не загреметь костылями по лестнице.

Тут, знаешь, многие герои пасовали... А за год перед этим отец умер, мать в больнице с сердцем лежит. Одним словом, для оптимизма поводов мало.

И вот эта девчонка, пигалица, можно сказать, шестнадцать лет едва исполнилось - она ни на шаг от него не отходила, ездила с ним по курортам, по врачам, в Саратов к какому-то знаменитому профессору-костоправу одна отправилась... А главное, она заставила Веню поверить, что он будет летать. Понимаешь? Своей детской верой заставила, своим недетским мужеством. Тут, Павел, ни убавить, ни прибавить... И я свою дочь такой же вижу. Хочу видеть.

Варг замолчал. Павлу вспомнилась фотография Нины над Венькиной кроватью, его слова: "Это... любовь на всю жизнь" - и то, как яростно торговал он у знакомого охотника медвежью шкуру, потом, заплатив за нее месячным запасом спирта, долго выколачивал на снегу, ревниво осматривал, нет ли где залысин; как упаковывал в ящик, предварительно обернув заранее припасенными тряпками. И это делал Веня, который не успевал купить себе шарф или зубную щетку, для которого всякие хозяйственные заботы были пыткой...

- Вот какие пироги, Павел... - Варг ходил по комнате, переставляя с места на место свои сувениры. - Вот такая ситуация... Ты когда домой возвращаешься?

Только теперь Павел вдруг сообразил, что Варг уже несколько месяцев на "материке", что он и знать не знает ни о Танином отъезде, ни о его назначении в Ленинград, и даже когда поддразнивал его, говоря о даче и видах на будущее, имел в виду действительно будущее, которое всем им, северянам, видится где-то в далеком пенсионном возрасте.

- Когда отпуск кончается? - снова спросил Варг, но в это время Нина позвала его на кухню.

Когда отпуск кончается? - повторил про себя Павел. - Да уже кончился. Все. Амба. Вышло время летних отпусков на шесть месяцев. Теперь будут обыкновенные, как у всех советских служащих. И будет он по вечерам слушать сводку погоды, будет каждый рай вздрагивать, когда диктор скажет, что на Чукотке оттепель, идет дождь. Если это случится весной, его приятель, пастух Эттугье, снова погонит свое стадо по обледеневшему насту, поспешит в распадок Эргувеема, где с осени припасены на этот случай корма. Если диктор скажет, что на Чукотке сильный ветер, переходящий в штормовой, он увидит, как срывается с пологой сопки возле Певека сумасшедший "южак", от которого нет защиты, кроме разве самой простой - не выходить из дому. А если а диктор... Да к черту эти метеосводки, он ими сыт, он будет теперь любоваться туманной перспективой Невского и бликами солнца на Адмиралтейской игле...

Вот только сказать об этом Варгу он не может. Никак не может. Дернуло его со своими расспросами. Лучше бы он продолжал говорить о Нине. Ему хочется слушать эти разговоры о Нине, ему приятно, что он так говорит о ней...

- Посмотрим, посмотрим, что вы тут наготовили, - сказал Варг, входя вслед за Ниной в комнату. - Ну-ка, Павел, хоть ты и непьющий нынче, налей нам по стопке.

Нина стояла в коротком фартуке, должно быть, Надином, с засученными рукавами, и держала на вытянутых руках поднос. Вид у нее был трогательный и торжественный.

- Только уж не судите строго...

Павел встал и взял у нее поднос.

Ему вдруг очень захотелось грохнуть его об пол. Чтобы нелепым этим поступком вернуть себя к действительности. К фактам. К машине за окном. К приказу, что лежит у него в кармане. К завтрашней Нининой свадьбе, к своей ленинградской квартире, где ждет его выбранная им женщина, - вернуть себя ко всему этому, потому что в эту секунду, когда вошла Нина, он очень явственно представил себе, что вот сейчас возьмет ее за руку и уведет. Совсем уведет. К себе. Уведет на глазах у Варга, и Варг не удивится.

- ...А вот когда идет горбуша где-нибудь в крохотной речке - это, это, доложу я вам, Нина, зрелище! - рассказывал между тем Варг, потчужу Нину остатками привезенного еще с Чукотки балыка. - Это неправдоподобно. Представьте себе...

- Капитан, - перебил его Павел. - Я расскажу это Нине по дороге. Нам пора. Склянки проббили время.

Он шутливо взял под козырек.

- Ну, чепуха какая! - разволновался Варг. - В кои-то веки...

- Нам действительно пора, - сказала Нина. - Но я буду заходить к вам, Александр Касимович. Вы позволите?

- Конечно же, Нина! А ты? - Он повернулся к Павлу. - Ну, с тобой мы увидимся скоро. Я ведь их обманул, ты знаешь? Пенсия пенсией, но зачем же человеку умирать в этом лопушином дворе? И вот я еду обратно, буду теперь капитаном порта.

Он проводил их до машины.

- Павел, почему вы не сказали капитану, что не вернетесь? - спросила Нина, когда они отъехали.

- Не успел.

- Ой, нет! Вы боитесь, что он, будет переживать? Мне кажется, он особенно не будет. Ведь он домой едет... А вам что, правда очень нужно в Ленинград?

- То есть как это - нужно? Ничего себе вопросик...

- Да вы же удерете! Вы приговорены к Северу, вы сами еще не понимаете.

- Ниночка! - Он обернулся к ней.

- Милая вы моя девочка, вы что - наслушались сказок? Романтических историй? Так это пройдет. Завтра вы проснетесь и забудете, что он существует, этот Север, потому что хлопот у вас будет - успевай поворачиваться. И все встанет на свое место. Сказки вы уберете на полку, будете жить заново.

- А вы?

- И я тоже... Тоже буду учиться что-то делать заново.

- Вам будет очень плохо без ваших друзей. Ведь если...

- Послушайте, Нина! Ребята иногда катаются на трамвайной подножке, их оттуда гонят, потому что это опасно. А взрослые люди подходят к краю перрона и мучаются дурью - а что, если я брошусь? Так вот этими "если" можно вымостить всю человеческую жизнь.

Он понял, что сказал грубо. И понял, что теперь уже все равно. Они оба подошли к краю перрона. Пусть она знает, что, если... если когда-нибудь он будет ей нужен, - он придет. Откуда угодно...

- Нина, - сказал он, - если когда-нибудь...

- Не надо, Павел! - Она взяла его за руку.

- Я все поняла. Вы правы. Самое главное в жизни - соблюдать правила

уличного движения, не ездить на подножках и не подходить к краю перрона. Все верно. Остановите, пожалуйста, мы приехали. Сейчас мой поезд.

- Но... почему? Я довезу вас на машине.

Он растерялся. Он растерялся, как школьник.

- У меня еще есть время.

- А у меня нет. - Она смотрела на него спокойно и тихо. - Не надо. Я знала, что вы приедете. И вы приехали. Это хорошо. А лучше уже не будет... Нельзя ведь, чтобы было совсем хорошо. Правда?

Она затерялась в толпе. Маленький плюшевый заяц, Танькин подарок, качался над ветровым стеклом. Такой жизнерадостный зайчик... Простой и понятный, как все, что было у них с Татьяной. Главное - не ошибиться; главное - наверняка; пусть без черемухи, зато уж и без неожиданностей.

Разве он думал когда-то, разве знал, что можно вот так сидеть, прижавшись лбом к стеклу, и видеть, как солнце путается в светлой копне волос, как вопросительно и тревожно смотрят на тебя глаза, полные ожидания. Разве верил, что можно каким-то непонятным ему чувством вот и сейчас еще помнить на своей руке прикосновение ее пальцев.

Мотор тихо урчал. Павел откинулся на сидение и закрыл на минуту глаза. Потом развернул машину и кинул ее вниз по Садовой, где-то что-то нарушил, потому что постовой засвистел замахал ему вслед...

9

- Ты знаешь, для чего существует ночь"?

- Нет...

- Эх ты! Ночь - это как занавес. Ведь неудобно переставлять декорации у всех на виду. В театре гасят свет, если надо, чтобы никто не видел. Понимаешь? Ночью природа что-нибудь доделывает, переставляет, чинит... Мы обязательно будем обходить наш остров каждое утро. Пошли! Смотри - сегодня утром была генеральная уборка.

Был дождь, - сказал Лешка и на всякий посмотрел на свои новые туфли. - Всю ночь спать не давал, собака. Барабанил и барабанил... Куда пойдём? Эти... плесы, что ли, обходить?

- Ты помнишь, как назывался наш остров

- Ого! А кто придумал? Остров Валаам. У тебя по географии пятерка?

- Пятерка, конечно. Моряк должен знать географию знаешь как? Спросят тебя ночью, где находится Антарктида? Сразу ответь. Или как проехать кратчайшим путем из Ленинграда Астрахань? По Марианской системе... Мне мичманку отец подарил.

- А у меня тройка, - вздохнула Нина. - Ладно, выучу... Пойдем, мне кажется, сегодня на дальний плес прилетели фламинго.

- Кто прилетел?

- Розовые фламинго. Их так много, что будто усыпано розовыми листьями, кувшинки, и там, где мелко, сквозь воду видны перламутровые ракушки.

Лешка вздохнул.

- Не могут здесь быть фламинго. Если то это Валаам, то на Ладожском озере, а там климат холодный. Вот кувшинки есть. И ракушки тоже.

Дурак, - сказала Нина. - А еще мичманку купили. Валаам придумать можно, а фламинго нельзя? Идем! Засучи штаны...

Лешка покорно шел. У него был настоящий ремень, и мичманка, и пятерки по и он знал, где Козерог, а где Гончие псы, но всегда покорно соглашался с соседской девчонкой и шел на "дальние плесы" смотреть фламинго и перламутровые ракушки... Господи, когда это было? И было ли?

Через час Алексей Рогозин приедет сюда как жених, а завтра станет ее мужем. Несостоявшийся моряк. Почему его не взяли. Или он сам передумал? Уже не помню... Зато он быстро научился залезать в спальный мешок без помощи рук

и ругал всех негеологов самыми последними словами.

Розовые фламинго ему и впрямь негодились...

В саду было темно, деревья казались черными. Нина посмотрела, на часы: сейчас придет электричка. Приедет Алексей, привезет кучу народу, станет шумно и тесно. Алексей примется варить картошку и рассказывать, что на Севере она на вес золота, а все остальные будут шуметь. Шуму от них всегда много. Потом напротив погаснут окна: это значит, что соседка уложила детей и сейчас придет пить чай.

Все идет по расписанию, все раз и навсегда уедено - вовремя приходят поезда, вовремя гаснут окна, и Рита всякий раз, когда приходит к ним пить чай, приносит с собой сдобный хворост", который она печет по рецепту, доставшемуся еще от бабушки.

Сегодня у Варга ей показалось, что она, словно мальчик из рассказа Уэллса, открыла неведомую дверь в стене и попала в волшебную лавку. Там не было волшебных товаров, там был просто иной мир, иной воздух: тот мир, в котором жили Венька, и Павел, капитан Варг, и воздух, которым они дышали.

Теперь, сколько бы времени ни прошло, как бы ни сложилась ее жизнь, она всегда будет вспоминать этот долгий, долгий день и будет знать, что, если бы его не было, судьба поступила бы с ней несправедливо...

У калитки послышались голоса. "Ну, вечерок предстоит веселый, - подумала Нина, разговоров будет до утра..." Она уставала от этих сборищ, но бог сним, все чем-то заполнятся время. До завтра. Скорее бы, что ли, завтра...

Алексей вышел на веранду, зажег свет.

- Чего впотьмах сидишь?

- Да так. Скажи, Леша, ты видел розовых чаек? '

- Видел.

- Какие они?

- Ну, розовые. Несъедобные.

- У них такой цвет лица, как у меня?

- Чего?!

- Ничего. Вспомнила Веньку.

- М-да... Не дожил, бедняга.

- До чего не дожил? До нашей с тобой свадьбы, что ли? Так он и до своей не дожил! Алексей посмотрел на нее испуганно.

- Нинок, ты что? Я понимаю. Ты устала, не надо. Я говорил с Лидией Алексеевной, она не сказала, что был человек от Вени. Это, конечно, тяжело. Снова пережить все...

- Ничего, Леша. Пойдем. Гости...

Он подошел к ней, положил руки на плечи. Обнял. Она зажмурилась. Она почувствовала вдруг, как по телу пошли мурашки. Вчера этого не было... А завтра... Завтра она будет его женой.

- Пусти, Леша, не надо. Люди...

"Завтра он будет моим мужем. Он порядочный, не как другие. Он не торопил меня, не пользовался случаем - упаси боже! Он деликатен до мозга костей, и я не помню, чтобы он хоть раз посмотрел на меня с откровенным желанием... А ведь он меня любит. Это бесспорно, Я не знаю, не помню, не видела рядом такой любви, такой заботливой, самоотверженной... Он целовал меня в шею, в губы - осторожно и бережно, как цветок. Вот он какой, мой Алексей..."

На кухне колдовала Рита.

- Слушай, где у тебя майонез? Нет? Ну вот, могла бы и сказать. Без майонеза какой к черту салат... Я сейчас домой сбегая.

- Курица, - сказал Алексей. - Квочка. Помешалась на своих салатах.

Потом, как всегда, был умный разговор. И, как всегда, умнее всех говорил Алексей:

- Это неверная, вредная концепция. Мы знаем, что мир наш сегодня

рационален, и мы должны быть деловыми людьми, я подчеркиваю – деловыми, иначе будет банкротство. Экономическое и, если хотите, моральное.

Я понимаю, романтика, донкихоты, мушкетеры и все такое прочее – это очень доброе и светлое детство человечества, и тогда, в детстве, можно было себе это позволить. А сейчас нельзя позволять варварски использовать время, варварски, в первую очередь, использовать человека.

У меня сегодня парень один был в министерстве, ох какой героический мужик, прямо носом пахал, только бы куда потрудней да подальше. А время подошло – и хватит. Просится обратно. И я его понимаю, потому что он талантливый геолог, потенциальный ученый. Так как же мы его можем использовать по мелочам? И он тоже понял, что нельзя. Вот говорят: ушел на теплое местечко. На редкость мешанские суждения! Да на этом теплом месте я, например, больше себе крови порчу, чем в поле, но и пользы больше приношу. Вот с этих-те позиций мы и должны рассматривать место человека в обществе. А не с позиций вульгарной романтики!

"Все верно, – подумала Нина, – только скучно очень".

Вот и все...

Была девчонка и сплыла. А Павел? Что он сейчас? Как он забавно хвастался сегодня, что умеет жарить шашлык. Как ему не хотелось домой! Потом удрал. Он испугался, хотя еще к ничего не понял. А она поняла. Она знала, что все свой тридцать лет он ехал на этой машине сюда, к ней, приехал и не догадался, Или, догадался немного? Догадался, наверное, потому, что был таким откровенно-храбрым. И уехал. Совсем уехал. От нее... А завтра...

Нина поняла, что будет сейчас реветь. Громко, навзрыд, в голос, как режут бабы на похоронах. Будет реветь за все, за свою неудавшуюся жизнь, за сегодняшний день, от которого она уже никогда не отделается, будет реветь от ужаса и страха...

За окном послышался звук автомобильной сирены. Нина, едва не выронив чайник, как была с тряпкой в руке, выскочила за калитку.

А за калиткой был обыкновенный вечер.

Она вернулась на веранду, постояла немного в углу, таи, где тикали старые медные часы отца, потрогала пальцами стекла, Потом накинута кофту и вышла. Было свежо. Сирень обрызгала ее росой. Калитка долго не открывалась. В переулке под фонарем стояли два больших соседских пса, вышли подышать перед сном.

10

Едва выйдя из переулка, она увидела в конце улицы машину. Фары беспомощно тыкались в сторону, отыскивая нужный поворот.

Нина вскинула руку прямо у капота. Открыла дверцу.

– Мог бы запомнить дорогу получше, – сказала она. – Знал ведь, что вернешься.

– Тихо! Сумасшедшая. Ты что здесь делаешь?

– Я жду тебя.

– На нас не выпустят собаки.

– Тутешние собаки мои друзья.

– Куда мы поедем?

– Не знаю. Куда хочешь, У тебя много времени?

– Много.

– Тогда прямо.

Они очень долго ехали молча, потому что можно было до бесконечности нести веселый нервный вздор, но оба они понимали, что пора веселого вздора кончилась, и с каждым километром становилось все невозможней говорить что-нибудь просто для разговора.

– Ты мне скажи, когда тебе надо будет вернуться, – сказал Павел уже у

самой Москвы.

- - Хорошо, я сказку... Знаешь что? Давай куда-нибудь пойдём поедим, ладно? Я толком не поужинала...

Они молча доехали до ресторана, сели за столик и позволили Официанту проделать вокруг себя все положенные манипуляции с вытиранием фужеров и стряхиванием пыли. Потом заказали ужин. Официант принес много вкусных блюд. Шампанское в ведерке со льдом. Салфетки словно из дермантина, так накрахмалены; на вилках и ножах монограммы, Царский ужин, - сказала Нина. Будем гулять... Последний день свободы.

- Павел!

- Что?

- Нам очень сейчас плохо, да?

- Молчи...

Сейчас надо молчать. И думать, о том, что делают что-то совсем несообразное. Ты понимаешь, хотя бы, что это все похоже на бред? Зачем ты здесь? И Нина?.. Вы оба взрослые люди, и то, что сейчас происходит, неправдоподобно.

Но, думать не хочется. Хочется смотреть на нее. Вот так просто так сидеть и смотреть на эту неизвестно откуда взявшуюся девочку, о которой ты ровно ничего не знал вчера и о которой так много узнал сегодня... Вот таким образом, И можешь говорить себе, это абсурд и глупость, что так не бывает или, по крайней мере не должно быть. Только что ты будешь делать через час, когда все кончится и ты останешься наедине с собой? Ты снова, сегодня вечером, будешь гонять по Москве и стараться стряхнуть с себя это наваждение?

Как получилось это? Когда?

Может быть, в парке, когда она стояла с охапкой багряных листьев? Или потом, на скамейке возле дома Варга, когда она, притихшая, с широко открытыми глазами, слушала о старом капитане? Или это пришло сразу, едва он увидел ее - испуганную, смотревшую на него с укором: почему так долго не ехал? А может, это началось пять лет назад, когда в горах Куэкувня они с Олегом смотрели синее пламя лежащего внизу ледника? Или в школе, когда он впервые поцеловал девушку и мир завертелся перед глазами...

Он дотронулся до ее руки.

- Ты почему не ешь? Смотри, какая котлета в бумажных розочках.

- Погоди... Знаешь, Павел, вот ты сегодня сказал, что будешь учиться что-то делать Ну, пусть. Хотя я и не верю. Я сейчас о другом. О себе...

У нас был с Венькой общий знакомый, студент, жил напротив. Его отец, крупный ученый оказался подлецом. В пятидесятом году он сделал себе карьеру. Что-то там такое доказал недоказуемое. Потом, когда все стало на место в ошибках признавался. Только - семья развалилась. Сын ушел из дома, с женой нервная депрессия, или как это называется... Одним словом, жалко он выглядел, этот профессор. И я ему по-человечески сочувствовала. А Венька сказал: "Ни черта! Пусть на себе рубашку рвет... Думал, на том свете за подлость платить придется. Так пусть на этом заплатит".

Ну, ты Веньку знаешь. Он всегда был категоричен... Только ведь он прав, Павел. А? Платить надо за все. Иногда очень дорого. Иногда всем, что имеешь, и все равно не хватит. И нет границы между преступлением и сделкой. Они где-то рядом. Простая мысль. И очень древняя, наверное. Ты слушаешь меня?

- Слушаю...

- Да, очень древняя мысль. И простая. Сегодня в окне магазина я видела русалку. Совсем как человек. А из воды - только наполовину... Понимаешь? Я готовлюсь стать ботаником, ездить по стране, что-то делать своими руками, а вместо этого вожусь с бумагами. Я хотела романтики. Не улыбайся. Да-да. романтики, без всяких кавычек. Моим героем был Венька, а моими друзьями были домашние мальчишки и девчонки, спокойные и уютные... Я хотела любви, а выхожу замуж только потому, что... надо за кого-то выходить. Я каждый раз

делала маленький шаг в сторону. Очень маленький. А потом оказалось, что я давно уже иду не туда. Не в ту сторону... И мне тоже придется платить. За билет в обратную сторону... Только ты ничего не говори мне сейчас. Не надо. Мы пришли ужинать и веселиться.

- Я не буду говорить, - пообещал Павел.

"...Ты хотела любви, а выходишь замуж, потому что "так надо" тебе. Житейская формула, Нина. Житейский случай..."

Нинка, Нинка... Твоим героем был Вениамин. Как же ты думала усидеть в гнезде?"

Лопались пузырьки в шампанском. Кончался ужин.

"...Через полчаса начнут тушить свет. И мы уедем. Он к себе, я к себе. Нелепость какая..."

"...Ты была сегодня всякой. Была веселой, смешной, грустной. Теперь тебе страшно: как оно все будет? Не бойся. Все будет хорошо..."

- Павел... Тебе еще не хочется сказать: а дальше?

- Дальше я отвезу тебя домой, к маме. Завтра ты позвонишь своим гостям и скажешь, что у тебя разболелась голова, ты пошла в аптеку и тебе там стало плохо... Что-нибудь придумаешь.

- Твоя правда. И знаешь что? Пойдем отсюда.

И снова молчаливый круг по Садовой, снова бегущие встречные фары и красные пуговки стоп-сигналов. Так уже было, сегодня. Бегство от самого себя. Пора останавливаться.

"У меня в кармане билет на завтрашний поезд, приказ о назначении, характеристика, где сказано, что я отличный специалист, рекомендательные письма к влиятельным людям.

Танькины письма, каждая строчка которых сулит мне спокойную, жизнь, - целое богатство у меня в кармане; я собирал его сам, по частям, чтобы жить по-другому, и если бы мне вчера сказали, что все это я отдам без разговоров только за то, чтобы вот сейчас поцеловать ее, я бы тихо ахнул. Теперь пусть ахают другие".

- Ты едешь к ней? - спросила Нина. - К той, которой... мог бы нарвать цветов?

Павел подогнал машину к тротуару и зажег свет.

- У тебя есть две копейки? Нет? Подожди. - Он порылся в карманах и протянул ей монету. - Вон автомат. Иди звони. Мама еще не спит.

- Что я должна ей сказать?

- Не знаю...

Потом он сидел в машине и ждал. Сегодняшний день был длиною в год и пролетел, как минута, а сейчас он смотрел на телефонную будку и торопил время. Она не возвращалась долго. Тогда он подошел к автомату и отворил дверь. Нина держала в руках трубку, из которой доносился истошный гудок, и улыбалась. ...

- Ты позвонила?

- Нет... Она поймет и так.

Павел взял у нее трубку и повесил на рычаг.

- Если ты меня сейчас поцелуешь, - сказала Нина, - тебе придется взять меня с собой. Ты все взвесил?..

А я уже взял тебя с собой, разве ты не поняла? И ничего не надо взвешивать, хуже не будет, потому что то, что было у нас до сегодняшнего дня, - просто затмение какое-то, чушь несусветная, мне даже думать не хочется.

Ты видишь, только что прошел дождь, дорога блестит под фарами встречных машин, я еду не, торопясь, чтобы не вылететь в кювет. И чтобы побыть наедине

с собой - в машине можно не разговаривать, а мне еще много нужна сказать себе, о многом у себя спросить - я давно старался не слушать своего голоса.

Мне надо спросить у себя, как получилось, что я с такой легкостью поверил, будто любовь можно заменить хорошим отношением?

Как я мог поверить, вопреки опыту своих тридцати с лишним лет, что мое место за столом, меж двух телефонов; мог поверить Лешке Рогозину, его бреду о каких-то окислительных процессах?

Разве смогу я спокойно жить в белых ночах Ленинграда, зная, что сейчас над островом Айон висит подсвеченный солнцем туман, а где-нибудь в Амгуэмской тундре Олег уже выкурил свою утреннюю сигарету, сидит на камне и штопает ковбойку. Разве смогу я ходить по улицам и площадям, ездить в трамваях и на такси, зная, что я просто задержался в гостях, .потому что мой дом далеко, а из дому не уезжают?* ~

Ничего этого я не смогу. И, пожалуйста, хватит об этом.

А сейчас я сверну на проселок, мы проедем еще немного и остановимся возле речки, сплошь поросшей по берегам черемухой и бузиной. В этих местах прошло мое детство.

Мы разложим большой костер и будем ждать утра.

12

В два часа ночи она сказала:

- Павел, несчастный человек, я хочу есть. Я вспоминаю свою несъеденную котлету с нежностью.

Они сидели на траве возле машины и подкидывали сучья в костер. Сучья были мокрыми и гореть не хотели.

- Надо поесть, - сказал Павел.

- Где мы тут поедем... И костер дымит.

- Это я нарочно, чтобы комары не кусали.

- Какие комары в конце августа.

- Все-то ты знаешь. Ладно, вставай, пойдем еду добывать. Покажу, как это делается. Соль у меня есть, и сало тоже, и лук - в багажнике еще от прошлой поездки осталось. Ну картошка всегда под рукой.

Они долго шли вдоль картофельного поля. Пожухлая ботва в темноте казалась спутанным и сорванным с кольев проволочным ограждением. Нина, прежде чем ступить на межу, потрогала землю руками.

- Какая теплая земля. Я туфли сниму... Слушай, а в нас не будут стрелять? Это колхозная картошка?

- Может, и будут. Солью когда влепят, не обрадуешься.

- Стреляли?

- А как же...

Они вернулись к машине и высыпали из кармана белые и гладкие, как гольши, клубни. Павел набрал хворосту и стал мастерить костер.

- Погоди, дай я, - попросила Нина.

- Ты не умеешь.

- Ну и пусть. Загорится как-нибудь... Это что? Рыба плещет?

- Рыба, наверное. Тут ее пропасть, хоть старик и прибежнется...

Нина вынула из машины автомобильный чехол, расстелила его; достала где-то газету и принялась готовить ужин, Лук она резала тоненькими ломтиками, как лимон, сало долго вертела в руках, не зная, срезать с него корку или не надо, и вид у нее был такой сосредоточенный, что Павел рассмеялся.

- Ты чего?

- Ничего...

Замолчав, Нина тихо спросила: Он на "Аннушке" летал, да?

- На "Аннушке". Машина у него была отличная. Она могла садиться где

удовно, а билась и ломалась столько раз, что потом привыкла. и однажды Венька прилетел даже без пропеллера.

- Ну это ты врешь.

- Это я вру... А потом он украл стюардессу с пассажирского самолета.

- То есть как это... украл?

- А вот так. Ты что, плохо знала своего братца? Ему летчики устроили такую взбучку, И было за что. Возвращался он как-то из Хабаровска и в самолете познакомился со стюардессой, влюбился в нее без памяти, она - тоже. Венька на решения человек скорый: сказал, что она свое отлетала, он сейчас запрет ее четырех стенах, и делу конец.

К тому же, как на грех, испортилась погода. Стюардесса отпросилась у командира корабля на два часа, не зная еще, что там, где начинается Венька, там кончается всякое благоразумие... Одним словом, на аэродроме паника вот-вот лететь обратно, а лететь нельзя, какой-то пилот украл стюардессу.

Мы с Олегом сразу сообразили, в чем дело, ввалились к Веньке, а там идиллия. Сидят они, молитвенно сложив руки, и в глазах у них отблеск рая...

- А как же Надя?

- Ну, это еще до Нади было. Слушай дальше. Наорали мы на них, накричали, а потом все четверо стали ломать голову, как быть, потому что уже дали погоду, надо лететь, а как же она полетит, если она жить без Веньки не может, а он без нее и подавно...

Потом она все-таки улетела. Написала что надолго запомнит минуты их встречи. Но им повезло, что вовремя дали поду.

- Вот видишь, как важно вовремя дать погоду - усмехнулся Павел. - Синоптики бы сказали, что глупость не состоялась по метеорологическим условиям.

- А собственно, чего она испугалась? - Нина. - Каких глупостей они могли наделать?

- Ну как же... - замялся Павел. - Все-таки...

Ах, вот оно что! Ну, знаешь ли, это унижительно - себя бояться. Только, поверь мне, она не испугалась, эта девочка с самолета. Она ведь газеты читает, журналы, а там какая-нибудь Катя или Нюра в три ручья ревет, что она, бедная, поверила, а он, прохвост, ее обманул. Слово такое дурацкое - обманул... Поплачет она, признает свой грех, а ей советуют: будь умней, не подходи близко к мужчине, пока ,не узнаешь, какие у него жизненные установки, кто его любимый литературный герой, и так далее. Вот когда ты все про него узнаешь, почувствуешь родство душ и его склонность к семейной жизни, тогда и будет полный порядок. Тогда даже целоваться можно.

- Ух ты! - сказал Павел. : - Прямо-таки металл в голосе.

- Ты подожди. Ничего не металл. Все эти положения ваша стюардесса крепко усвоила и потому испугалась, что, не дай бог, возьмет и полюбит Веньку вот так, без анкеты, а этого не бывает. Не должно быть. Она чувства своего испугалась. И пусть. Не жалко... Ты лучше скажи, как к этому отнесся Венька?

- Он, помнится, сказал, что надо бояться того состояния крови, когда разум бездействует.

- Ой ли! Что-то не похоже.

- Да, верно. Он сказал, что не надо бояться.

Наступила пауза.

Павел стал разгребать золу, чтобы засыпать картошку. Костер вспыхнул огромным, языком и на мгновение очертил его темную фигуру в засученных брюках; рубаха плотно облегла его, а волосы на голове лежали как воронье гнездо.

"Как же нам быть с тобой, - думала Нина, - ведь погоду вовремя уже не дадут... Когда, наконец, поспеет твоя картошка? И когда ты скажешь, что нам пора домой, что у нас еще много дел. У нас с тобой".

- У нас с тобой еще много дел, - сказал Павел, аккуратно прикрыв

картошку золой. -

Перво-наперво вымыть машину, она изрядно запылилась.

- Так, - сказала Нина. - Заботы собственника. А еще какие дела?

- Еще?.. Видишь ли, я не случайно приехал сюда. Идем покажу тебе одно место. Мне самому надо посмотреть. Если там что-нибудь осталось... Идем!

Он взял ее за руку.

- Господи, ну сумасшедший! Куда мы в такую темень?

- Никакой темени нет, это тебе возле костра кажется. Идем... Мы здесь жили с мамой во время войны, я все тут знаю. Видишь огоньки около леса? Там сейчас дом отдыха, а тогда был госпиталь, мама медсестрой в нем работала. Бомбили нас каждую ночь, и каждую ночь мы залезали в щели...

Они прошли немного редким березняком и свернули на старую вырубку. Луна ярко высвечивала трухлявые пни, дробилась в редких лужах. Павлу показалось, что он только вчера был на этом заброшенном лесоучастке, где когда-то люди, спасаясь от бомб, долбили в уже замерзшей земле эти жалкие убежища.

Совсем рядом светились огромные корпуса нового дома отдыха, а тут, кажется, ничего не изменилось за эти годы. Прямо у края вырубки зиял темный провал. Над ним коряво горбились полустгнившие бревна, кое-где еще прикрытые дерном и ржавой глиной.

Вот здесь это все было. Здесь он впервые увидел зарево над горящей Москвой. Ему было пять лет, и он ничего не понял тогда, только испугался, услышав, как вдруг страшно закричали женщины...

Зачем он пришел сюда? Это ведь не те воспоминания, которые хочется оживить... Наверное, он пришел сюда потому, что детская память хранит и будет хранить до конца дней эти осенние ночи сорок первого, когда, закутавшись во все, что только можно было сыскать теплого, Павел и еще четверо соседских ребят, у которых отец воевал, а мать лежала в тифу, сидели на нарах, тесно прижавшись друг к другу, и в холодной, промозглой тишине слушали старую учительницу Елизавету Евлампиевну, рассказывавшую им "Робинзона Крузо". За ее рассказом не было слышно аханья зениток, но стоило лишь ей умолкнуть, чтобы собраться с мыслями, как сухой, раскаленный треск снова врывается под накат землянки, и ребятам казалось, что небо сейчас раздушит их в этой темной дыре...

- Страшно... Наверное, надо оставить эту щель и показывать людям, чтоб помнили.

- Тем, кто помнит, показывать не надо, - сказал Павел. - Тот, кто не прятался в ней, все равно не поймет...

Они молча вернулись к костру.

- Павел, - позвала она.

- Ну?

- А вдруг у тебя плохой характер?

- У меня хороший.

- Ты храпишь ночью?

- Кажется, нет...

- Я ищу у тебя недостатки. Веня, например, бал лунатиком.

- Никогда он не был лунатиком.

- Нет, был. В детстве. Вообще-то он, конечно, не был, но мне запомнилось, что был. Он себе такую игру придумал для воспитания воли: по ночам забирался на крышу и ходил по самому краю. Потом его отец поймал и стал воспитывать, а Веня говорит: ничего не помню, я лунатик, у меня нервная система так устроена. Отец, конечно, очень рассердился, сказал, что таких балбесов в авиацию не берут, потому, что рисковать надо для дела, а не просто нервы щекотать. Веня выслушал его внимательно и пообещал, что больше рисковать без толку не будет.

- Смотри, какой хороший.

- Ты слушай дальше. Мы жили тогда в маленьком городе, где служил отец. Однажды во время демонстрации он купил мне целую гроздь шаров, я их очень

любила и сейчас тоже всегда покупаю себе на праздники. Шары были - заглядение, отец украсил их блестящими лентами, все светилось, переливалось, на одном из них был портрет Покрышкина, его прикрепил Венька. Словом, ни у кого ничего подобного не было. Подруги смотрели на меня с завистью и восхищением. Ну, ты представляешь, какая гордая и счастливая шла я рядом с отцом, а у него звезда Героя, ордена, форма, все его знают, все с ним здороваются...

И тут в самый разгар моего счастья я загляделась на что-то, споткнулась, шарики мои выскочили и полетели...

И вот Веня... Шары зацепились за самый верх заводской трубы, и он уже карабкался на нее по скобам. Смотреть на это, наверно, было страшно, потому что все замолчали, даже оркестр перестал играть.

Помню, что, когда Веня вернулся с моими шарами, никто не назвал его героем, а наоборот, кто-то даже сказал, что он хулиган.

Потом, когда мы шли домой, я очень боялась, что отец будет ругать Веню, но он всю дорогу молчал.

Венька не выдержал и спросил: разве он и теперь поступил неправильно? Отец подумал и сказал, что, с одной точки зрения, Веня поступил правильно, а с другой - неправильно, но он пока еще сам не знает, какая из этих точек зрения настоящая...

- Веня хорошо запомнил эти слова, - сказал Павел.

- Откуда ты знаешь?

- Когда ему сказала, что летать в самовольный рейс - это должностное преступление, он ответил точно так же: с одной стороны, это так, а с другой - не очень, и еще неизвестно, какая сторона более правая.

- Это было, когда вы искали Теплое озеро? Расскажи мне об этом.

- Я расскажу...

13

Пурга, как всегда, пришла неожиданно.

Первые дни отдыхали. Потом стали тревожиться. Срывалась работа. Телеграммы синоптикам носили оскорбительный характер. Шла третья неделя, как непогода загнала их под крышу в маленьком тихом поселке у моря. Он прилепился меж сопок на берегу залива, который не замерзал даже в самые сильные морозы, и зверобой в брезентовых робах вытаскивали на берег нерпичьи тушки, покрытые словно воском, налипшей, дробленой шугой.

А где-то рядом, может быть, прямо за каменистыми отрогами, до которых, казалось, подать рукой, лежало Теплое озеро. Его не было на картах. Зимой над озером клубился туман, а летом на десятки и сотни верст непролазных хлябей отрезали к нему дорогу.

На берегу озера лежал песок и мелкий морской гольш, а в теплой воде плескались большие животные с чешуйчатыми спинами, иногда выходили на берег, и после них на влажном песке оставались причудливые ложбины.

Это было известно доподлинно. Было известно у животных длинная шея, и когда они сидят в воде, высунув наружу маленькую плоскую голову, то становятся похожими на водяных змей.

Так говорили на побережье вот уже много лет.

...На исходе третьей недели они целыми лежали в спальнях мешках и равнодушно поругивали Таля за то, что он проиграл Ботвиннику, а Ботвинника за то, что он проиграл Петросяну. Они думали, что все идет к чертовой матери, работа безнадежно горит, и никому на эту катавасию не пожалуешься.

Павел должен был выбрать место для круглогодичной поисковой партии, а Олег измерял таинственные величины земного магнетизма, и ему для этого выделили специальную машину. Они "шлепали" посадки на лед, и пока Венька соображал, как он будет взлетать над торосами, полыней и вмержшей в лед

бочкой из-под солярки, Олег колдовал над приборами. Такой веселой жизнью они наслаждались неделю. Потом хозяин, у которого они остановились, сказал среди ясного белого дня, что хватит, отлетались, надо втащить в тамбур лед, иначе завтра они останутся без воды. Идет пурга. Синоптики молчали. Они сообщили о непогоде через день после того, как Веня, Олег и Павел залезли в спальные мешки.

Они держались двадцатые сутки. По молчаливому согласию было решено не поминать про Теплое озеро до тех пор, пока не представится возможность организовать его поиски по всем правилам. Но случай тяготел над ними. Судьба искушала. В поселке еще были живы старики, которые помнили, как их деды рассказывали о тех, кто купался в теплой воде...

Ночью пурга утихла. А утром Павла разбудил бульдозер, расчищающий полосу. Он наскоро оделся и вышел в тамбур. Олег и Веня сидели на ящиках и курили. Вид у Вени был какой-то странный: то ли загадочный, то ли решительный: "Друзья, - сказал он, когда Павел уселся рядом с ним. Такого случая больше не будет. Мы сделаем всего несколько галсов по побережью. И может быть, мы сядем рядышком с этим самым... ихтиозавром, или что оно там такое. Вы представляете себе..." - "Да,- сказали они. - Мы представляем". И тут же начали собирать пожитки.

Самолет у Вени был такой домашний и уютный, что его хотелось погладить рукой по симпатичной тупой морде. Он весело шурил глаза-иллюминаторы и кокетливо покачивал крыльями. В воздухе Вениамин был с ним на равной ноге, они вместе закладывали такие виражи, что у новичков захватывало дух, но на земле относился к нему снисходительно.

- Кушетка рвется в облака, - говорил он, выметая из машины окурки. - Самый раз покой, так нет, романов начиталась. Горе ты мое горькое...

Первые полчаса все было обычно. Павел ухитрился даже немного вздремнуть и проснулся от того, что машина легла в крутой вираж и он чуть было не свалился с сиденья.

- Циркачи! - закричал он. - Вам в небе места мало?

Венька кивнул вниз. Они шли на небольшой высоте, и Павел увидел на снегу темные пятна яранг и суеющихся вокруг них людей.

- Ничего не пойму, - сказал Олег. - Что-то больно резво бегает, вроде машут...

Вениамин снова развернул машину и прошел над стойбищем совсем низко. Теперь ясно была видна цепочка людей; они действительно махали руками, а несколько человек бежали в сторону замерзшей речки, словно бы собираясь встретить самолет при посадке.

- Не нравится мне это, - сказал Вениамин. - Похоже, что-то стряслось. - Он обернулся к ребятам. - Надо сесть, я думаю...

- Пожалуй, - согласился Олег.

- Только вон та штука мне тоже не нравится. - Веня кивнул в сторону горизонта, где из-за хребта выползала темная полоса, предвещавшая пургу. - Кажется, придется возвращаться... Ладно, сядем, а там видно будет.

Едва Веня спустил трап, как к самолету подбежало несколько чукчей и заведующий красной ярангой, огромный детина с казацкими усами. Веня часто летал с ним по тундре.

- Ну, молодец! - сказал заведующий, пожимая ему руку. - Ну, если бы я звал, что это ты, летишь, мы бы не волновались... А то заладили - пурга да пурга! Вот тебе и пурга.

- Что за чепуха? - не понял Вениамин. - Никуда я не летел. Я случайно увидел, что вы тут галдеж устроили, вот и подумал... А что у вас тут случилось?

- У нас работница помирает, - сказал заведующий. - Эмкуль, ты ее знаешь... Темная женщина! - Он вдруг рассердился. - Говорили - давай в больницу, давай рожай по-человечески, а она свое... Сейчас вот кровь хлещет, родить не может...

- Понятно, - сказал Веня. - Вы что, радио давали?

- Ну да, по радию... Со мной тут девчонка, медичка, стада объезжали, да что она может? А из района говорят - попробуем, только особо не надейтесь: пурга...

- У них действительно пурга, - кивнул Веня.

Он посмотрел на горизонт. Темная полоса уже перевалила хребет, и облака, перемешавшись с туманом, спускались в долину. Начиналась поземка. "Через полчаса тут будет такая свистопляска, что не приведи бог, - подумал он. - Скверная долина. Как труба. Недаром ее кто-то обозвал пристанищем ведьм".

- Веня, - сказал пожилой чукча. - Веня, помрет дочка-то. А? У нее крови не хватит. Отвези ее скорей. А, Веня?

Вениамин посмотрел на Олега. Тот кивнул.

- Живо! Какого черта мы тут трепемся! Тащите! И медичку давайте. Сгодится.

- Я выйду на связь? - спросил Олег.

- И что ты скажешь?

- Скажу - экстренный случай. Летим, мол...

Веня усмехнулся:

- Летим... Лететь нельзя, мальчики. Лететь ни в коем случае нельзя. Вы посмотрите.

Сопок уже не было видно. Облака садились все ниже и ниже, а навстречу им из устья долины поднимался густой и плотный туман.

- Так как же?... - не понял Павел.

- Я сказал, что нельзя лететь. Но можно ехать. Впрочем, ехать тоже нельзя, но что делать?... Ладно, мальчики, все. На борту чрезвычайное положение.

- Вениамин, - растерянно сказал заведующий, когда Эмкуль уложили на шкурах, - как же ты?..

- Тихо! Эттугье, поди сюда, - позвал он отца Эмкуль. - Ты долину знаешь, речку знаешь, да? Садись рядом, будешь показывать. Хорошо? - Буду показывать, - согласился Эттугье : и сел в кресло второго пилота. - Речку знаю, долину знаю. Да.

- Смотри внимательней, - сказал Веня. - Ехать будем быстро. Прозеваешь - врежемся. Ты меня понял?

- Понял. Смотреть буду хорошо...

Веня запустил мотор. Машина покачалась немного, отрывая лыжи от наста, потом тихонько тронулась. Павел не очень хорошо представлял себе, как все это получится, потому что вокруг было сплошное белое молоко, видимость не превышала нескольких метров. Он ездил на с аэросанях и знал, что это далеко не прогулка, - каждая заструга, выемка, трещина грозили аварией. И потом сани - есть сани, они для этого и предназначены, но мчаться по незнакомой дороге почти вслепую на самолете...

Иллюминаторы залепило снегом, ничего не было видно, но по тому, как вздрагивал самолет, словно поживаясь под ветром, по тому как мотор то стихал до шепота, то вдруг начинал реветь оглушительно и сердито и машина рывком уходила в сторону, Павел чувствовал, что пурга усиливалась.

Они шли по реке, которая должна была привести их в поселок: до него напрямик километров восемьдесят, но речка так немисливо петляла среди сопок, что Павел даже приблизительно не мог сообразить, сколько им предстоит пройти. Сто пятьдесят или двести километров?

С одной стороны берег был обрывистым, вода пробивала себе дорогу, выгрызая подножье сопок; другой берег уходил в тундру, но и там каждую минуту машина могла напороться на кочкарник или застругу.

Павел не успел додумать все это, потому что самолет вдруг словно налетел на что-то упругое и податливое. Удара не было, была внезапная, рывком, остановка. Мотор занял на самой верхней ноте, машина круто

развернулась и пошла в сторону. Павел понял', что они вышли из русла реки и идут теперь по тундре. Это было почти безумием. Зачем? Но тут же вспомнил, что именно здесь, возле Каменного кряжа, река делает огромную петлю, путаясь меж отрогов, и если попытаться пройти напрямик, через перемычку, то это сократит дорогу почти вдвое.

Павел залез на ящик с приборами и через спины Вени и Эттугье заглянул в смотровое стекло кабины. Пурга немного стихла, здесь, меж двух кряжей, ей было не разгуляться. Видимость стала лучше. "И все-таки, - подумал Павел, - самые головоломные трассы автомобильных гонок пустяк по сравнению с тем, что предстоит сейчас Веньке". Машина шла со скоростью сорок - пятьдесят километров, и этого было достаточно, чтобы при первой же оплошности распороть себе брюхо.

Что видел в этой круговерти старый Эттугье? Что чувствовал Венька, превратив свой веселый самолетик в неуклюжий вездеход, вслепую карабкающийся по тундре? Эттугье что-то говорил, вплотную склонившись к Вене, показывая руками, и Венька то отворачивался в сторону, то, слегка притормаживая, осторожно перебирался через заносы...

"Скоро начнет смеркаться, - подумал Павел, потеряв всякое представление о том, где они сейчас находятся и сколько еще предстоит пройти. - Скоро будет совсем темно, и наше путешествие окончится," И в ту же минуту машина слегка подпрыгнула, мотор взвыл и стал снижать обороты. Что случилось? - спросил Олег. Надо выходить на связь. Пусть подадут прямо к берегу. Мы на льду залива, километров пятнадцать, живо доскочим он взял у Эттугье трубку, которую тот только, что раскурил, сделал несколько затяжек и рассмеялся:

- Ну и поотрывают же нам головы! Мне, в первую очередь. Но, когда будут, скажут: отличный у нас пилот Вениамин Строев!..

Утром, когда они вдоволь отоспались, Веня сказал:

- А что, мальчишки? Одно доброе дело этот ихтиозавр уже сделал. Не будь его, не родила бы Эмкуль сына, а теперь вот родила. Мы к нему еще слетаем в гости, к этому ящеру. Слетаем ведь?

14

- А он и вправду там есть, этот зверь? - спросила Нина.

- Не знаю. Хочется, чтобы был.

"Никакого там ящера, конечно, нет, - подумала она. - И серебряной горы, о которой писал Венька, тоже нет. Но не надо торопиться убеждать себя в этом. Людям еще никогда не было плохо от того, что они искали. Искали золотое руно и философский камень, эликсир жизни и абсолютную истину. А находили Колхиду. Создавали "Илиаду_" и "Одиссею". Пусть ищут. На земле и среди звезд".

Она тронула Павла за рукав.

- Скажи, ты бы полетел к звездам?

- Да ну их! - рассмеялся Павел. - Дорога больно далекая. Соскучишься.

- А в закате ты был?

- Как это - в закате? Закат - это явление.. м-м...

- Венька мне однажды сказал, что у него есть мечта. В тундре, говорил он, в пасмурную погоду на горизонте остается перед закатом узкая полоска, и если очень захотеть, если летать очень быстро, то можно хоть на секунду, но попасть в это багряное небо... Только это неправильное название, говорил он, что там вовсе не небо, окрашенное зарей, а что-то совсем другое. Может быть, то, потом делают зарю?

Нина тихо вздохнула.

- Я знаю, он был фантазер. Ему всегда не нравилось, когда красоту объясняли. Он говорил, что если бы ученые были умнее, они никогда бы не сказали людям, что бриллианты - это уголь.

- Да,- сказал Павел. - И еще ему не нравилось, когда колокола переливали в дверные ручки. Ты ведь знаешь о нашем колоколе?

- Еще бы! У меня есть даже фотография. Его нашла, по-моему, Надя? А до этого... Ты расскажи подробней.

- Да, это было как раз в тот день, когда Веня вернулся из Уэлена. Утром пришла Надя и еще с порога, не успев раздеться, сказала, что нашла колокол. Мы искали его давно, но никто толком не знал, где, он висит. Потом капитан Варг... Хотя, я начну, пожалуй, не с этого...

Павел замолчал... Сейчас ему нужно было рассказать ей все, нужно было самому еще раз пройти через эти годы, ставшие главными в жизни, чтобы уже никогда не помнить сочувственную улыбку Алексея Рогозина и как смотрел ему вслед Олег...

Он говорил торопливо, то забегая вперед, то возвращаясь, не замечая, что держит ее руки в своих, что она уже давно стала участницей его воспоминаний: он вместе с ней решал, что купить Олегу на свадьбу, вместе добирался на полярную станцию, где Веня целый месяц лежал с воспалением легких, и когда он сказал: "Ну как же! Это тот самый Филя, который пешком по льду ходил на остров Врангеля, разве не помнишь?", - она не удивилась и покачала головой: "Не помню", - хотя помнить этого и не могла.

И в тот день, когда они поднялись на заснеженную гряду мыса Кюэль, Нина тоже была рядом, слушала, как Надя, едва разбирая изъеденные временем буквы, читала трогательное напутствие моряцких вдов. Они стояли все вместе, загоревшие под свирепым весенним солнцем, радовались, что забрались черт-те куда, на высшую точку побережья...

Веня только что вернулся из Ванкарема, Олег собирался на мыс Шмидта, а Павла вызвали в Магадан. Они виделись редко. Но это уже не имело значения, потому что они жили на общей земле, ходили по общим дорогам, которые всегда приводили их друг к другу.

Дорога и теперь собрала их вместе. Пусть Олег бродит по Амгуэмской тундре, Варг сидит в своем деревянном скворечнике и пишет историю русского флота, а они с Ниной вот здесь, в ночном подмосковном лесу. Если Надя придет к маяку и позовет их, если ударит в колокол - они услышат...

Вот только Вени не будет... Он снова увидел лицо Нади в тот последний раз, когда они пришли на мыс Кюэль. Она стояла рядом с отцом, крепко держа его за руку, и, закусив губы, смотрела в синие сумерки, надвигающиеся с моря, где едва можно было различить очертания скалистого берега, возле которого упал самолет Вени. Она не плакала...

Павел замолчал. Он рассказал ей все, но чувствовал, что не сказал и половины.

- Скоро будет светать, - сказала Нина. - Будет утро... Вчера утром тебя еще не было. И даже днем не было. Днем просто приехал Павел Петрович, и мне тошно стало жить на свете. Ты представляешь - ведь могла произойти самая большая несправедливость на свете.

- Не могла.

- Это я знала, что не могла...

Он стал целовать ее руки. Холодные, перепачканные землей.

Нина наклонилась над ним и тихо сказала:

- Я тебя очень люблю. Всю жизнь... Павел, прильнув к ее ладоням, молчал... Он

не знал, что так может быть с ним. Когда весь мир со всеми его заботами умещается в этих ладонях и делается страшно при мысли, что всего этого могло и не быть...

- У тебя холодные руки, - сказал он. - Ты замерзла? Давай-ка я подкину в костер.

- Подкинь. Я люблю большой огонь... Подожди! Слышишь - кукушка? Послушаем, сколько нам жить.

- И не подумаю. Кукушка - дура. Она ведь не знает, что сегодня только

первый день...

Они стали выгрести из костра полусторевшую картошку. Павел вспомнил серебряное ведро со льдом, в котором стояло шампанское, накрахмаленные скатерти и отутюженного официанта, кормившего их вечером в ресторане, и подумал, что теперь он всегда будет вспоминать вкус печеной картошки.

Нина вдруг тихо рассмеялась.

- Ты чего?

- Так... Грустные мысли одолевают. Я представила себе физиономию моих друзей, когда они после ужина сообразили, что некому подать им чай.

- В милицию они, интересно, не звонили?

- Вообще-то, мы поступили по-свински.

- Ну да? Благоразумие заговорило?

- Благоразумие у меня молчит. Во мне трусость зашевелилась. Ужас что будет с моим начальством!

...Как хорошо, что можно говорить всякую всячину, говорить все, что придет в голову, только бы слышать друг друга. А другие слова уже не нужны.

- Нинка, - сказал он. - У тебя по носу муравей ходит. И у тебя глаза сонные, ты поспи немного, я постелю тебе пиджак. Или давай мы чехол свернем.

- Пиджак - это хорошо, а спать я не буду. Не люблю... Во сне столько прозевать можно.

Она поуютней устроилась на куче еловых веток и стала смотреть в огонь. Костер догорал; алая его сердцевина подернулась пеплом, Павел тоже смотрел в огонь, ему виделась полоса багряного неба, куда хотел залететь Веня. Может быть, он и успел побывать там, когда отправился в последний рейс, когда шел над океаном?

13

Веня шел над океаном. Он, конечно, знал, что это всего лишь море, что через полчаса откроется на горизонте крутой берег Зеленой косы, но раз уж оговорено, что океан - дело воображения, он позволил себе сегодня лететь над океаном. Тем более, что час назад отлетал свой первый миллион километров.

Сегодня они это отметят. Во-первых, конечно, хороший ужин. Во-вторых... А что, сегодня они могут пойти к колоколу, просто посидеть у маяка, там чертовски красиво, а потом Веня как-нибудь намекнет, что было бы не грех ударить разок в древнюю медь - не по пустякам, все-таки миллион. И сделает это пусть Надя, Хранительница маяка, Главный инспектор колокола.

Конечно, ребята в порту поздравят его. Он еще вчера краем глаза видел, как, в Ленинской комнате готовили "молнию". Фотография и перечисление его заслуг. Интересно, про выговор там тоже будет?.. Напишут, наверное, что он совершил три маршрута до Луны. Далась всем это Луна! Лучше бы написали, что он провел в воздухе более полугода, это добротный северный отпуск, с учетом дороги в оба конца. Могут, конечно, вспомнить про ихтиозавра... В диспетчерской его встретит Надя. Она теперь почти всегда встречает его.

А через неделю они уедут в отпуск. На юг куда-нибудь, в Сочи, в Ялту - все равно. Будут ходить в белых костюмах, есть шашлыки и пить сухое вино. И прямо среди улицы будут расти пальмы.

А потом они вернуться. Их встретят друзья, с которыми он на всю жизнь поделил этот далекий край.

...Через полчаса диспетчер в порту принял радиogramму: "Отказал мотор. Иду на вынужденную у Зеленой косы. Посадка тяжелая. Сяду у птичьего базара".

- Сумасшедший - закричал диспетчер. - Там же пятачок, две телеги не развернутся, куда ты сядешь!

Вечером в штабе авиаподразделения старшая пионервожатая рассказывала:

- Это было все так страшно, так неожиданно. .. Мы еще с вечера пришли на террасу, поставили палатки, устроились. Там неподалеку геологические обнажения, вот и решили посмотреть. Уже совсем собрались, часть ребят ушла,

часть у палатки.

Вдруг я вижу самолет с моря. Я в это не на террасе, а на обрыве была, мы туда с девчонками забрались, чтобы лучше рассмотреть дорогу. Странно как-то самолет летит, я сначала не сообразила, в чем дело, потом вижу - он вроде рывками проваливается. И тихо. Мотор не работает... Тут я поняла - хотела было бежать, только - куда? Растерялась... А самолет - ему ведь ничего не было из-за скалы, ему вдоль моря зайти пришлось, - самолет обогнул скалу и пошел на террасу, уже прицелился... Тут я все представила сразу, даже остолбенела от ужаса - сейчас он всех передушит, там ребята, ничего не видят...

Вдруг девчонки мои закричали, и я закричала потому, что он в самую последнюю секунду наверное, все понял. Прямо как-то на месте повернул самолет и свалился вниз. В море...

Об этом я тебе рассказывать не буду. Я уверен он положил штурвал в сторону, не думая о том, что совершает подвиг.

Но я не рассказал тебе об этом сейчас. Еще не время. Сейчас нам надо думать о том, что через несколько часов наступит утро. Наше с тобой утро.

Нина спала, свернувшись калачиком на его пиджаке; лицо у нее было усталое, детски-перепачканное золой, на лбу царапина, веки вздрагивали - должно быть, она видела сон, может быть, веселый, потому что губы тоже иногда вздрагивали, улыбались.

Где-то далеко закричала первая электричка, погода в деревне загорланили петухи; дотянуло свежестью. Возле берега плескалась рыба. "Самый клев", - подумал Павел. Машина, вся мокрая от росы, дремала, уткнувшись в кусты. Начинался рассвет.

Ничто никогда не заменит ему это утро.

Нина всхлипнула во сне. Павел дотронулся до ее плеча.

- Эй! - сказал он. - Засоня! Вставай пить чай!

- А я не сплю, - пробурчала она. - Я так... - Потом поднялась на локте, зажмурилась - солнце уже встало над лесом и светило ей прямо в глаза - и сказала: - Здравствуй! Нам уже пора ехать?

- Ага, но сначала мы позавтракаем. Теперь не скоро придется вот так сидеть на берегу, свесив ноги к воде, есть картошку и слушать, как брешут собаки.

Нина рассмеялась:

- Тогда давай уж здесь и пообедаем. Куда спешить?

- Нам надо еще собрать чемоданы, - сказал Павел.

- Успеем, много ли собирать?

Она протянула руки, обняла Павла за шею и поцеловала.

Он боялся что-нибудь сказать, что-нибудь подумать, потому что уже говорил однажды: люблю, даже думал, что это так. А сейчас ему просто хотелось молчать и чувствовать эти прохладные губы, эти руки...

- Нам надо успеть собрать чемоданы, чтобы вовремя встретить Варга на мысе Кюэль.

- Да, - согласилась Нина. - Надо торопиться, чтобы никто не сдал в утиль наш колокол на мысе Кюэль...